

Шолох Юлия

Последнее
предсказание Тауки

Об одной девушке, представительнице класса хладнокровных по имени Инжу, которая хотела получить на свой день рождения личное предсказание провидицы.

Это было бесподобно!

Карнавал начался рано утром, но когда стемнело, наступило самое интересное, потому что дети с улиц исчезли, а взрослые стали более веселыми и раскрепощенными. На улицах появились люди в довольно откровенных нарядах, по рукам гуляло вино в тонких бутылках и никто не стеснялся в выражениях.

Нам с подругами этого и хотелось. Не в смысле, что мы с ними совсем уж свободных нравов, скорее наоборот, но именно поэтому нам хотелось увидеть людей, общающихся на уровне низменных инстинктов. Девушкам нашего класса до совершеннолетия нечасто позволяют даже задержаться допоздна в гостях, что уж говорить о посещении ночных танцев среди разгоряченной выпивкой низкородной толпы.

Поэтому если совсем честно, мы с подругами здесь без разрешения. Ну да, сбежали, наврали, что ночуем у Зормы, родители которой купили новый дом среди яблочных садов, а сами потихоньку покинули усадьбу и отправились отмечать мой день рождения на карнавал. На самом деле день рождения у меня завтра, но завтра назначен официальный прием, куда прибудет куча знакомых родителей, все в строгих костюмах и вечерних платьях и все будут медленно прохаживаться по гостиной, улыбаться и обмениваться всякой политической и экономической чушью. Бр-р-р-р...

Поэтому единственный шанс отметить день рождения, как хочется именно мне, а не как принято в нашем кругу — сделать это без спроса, сейчас.

— Смотрите, какие парни! — восхищенно ахнула Валисса, кивая в сторону площади, где толпилась очередная компания одинаково выряженных молодых людей. На этих были узкие синие штаны и черные обтягивающие футболки с длинными рукавами. На лице — раскраска, сине-черная, полосами, как у тигров.

И фигуры как на подбор. Мы тут же на них уставились. Хотя подозреваю, причины нашего интереса были немного разными. Несмотря на то, что в детстве мы все учились в одном классе, вместе посещали одну школу, а потом вместе перешли в Высшую женскую академию, все-таки мы были разными. Зорма и Куль не считали, что должны следовать навязанным нашим кругом правилам — к примеру, хранить невинность для мужа. Не то чтобы они открыто протестовали или демонстративно шли против принятых приличиями норм, так что вряд ли бы они посмели на таком вечере взять да и уединиться с первым встречным симпатягой, но я подозреваю, что обе уже побывали в мужских объятьях.

Вот, кстати еще одна черта, присущая всему нашему высшему классу так называемых хладнокровных — держать все секреты при себе, никому не доверяя. Даже подругам, с которыми рядом выросла.

Валисса, кстати, тоже считает, что она не должна слепо следовать родительским указаниям, но она слишком робкая, чтобы действительно их нарушить. Так и получается — протест на словах, а не на деле. Ее хватает только сказать что-то вроде: «Ах, какая задница! Ах, какие губки!», а если объект обратил на нее ответное внимание, то она сразу идет на попятный. За это Зорма и Куль часто над ней подшучивают, не всегда по-доброму, а я за это

никогда ее не защищаю.

Потому что я вынуждена следовать приказам — и совсем не из-за своей робости.

Вот и сейчас — стоило ребятам нас заметить, как Валисса спряталась мне за спину.

— Вы откуда? — крикнула Куль, улыбаясь, отчего ее узкие глаза превратились в щелки, окруженные смешливыми морщинками.

— Школа верховных наездников Армана, — крикнули они в ответ.

Да уж, это было просто отлично — встретить верховников здесь, среди разряженных толп среднего класса.

— Присоединяйтесь к нам! — крикнул кто-то с их стороны. Но мы не стали присоединяться, потому что не рискнули. Вдруг они нас видели раньше, узнают в лицо и выведут на чистую воду? Даже Куль не рискнула, ведь узнай о нашем поведении родители, будут неприятности. Молодым людям-то ничего не сделают, а нас окончательно запрут под замок.

Здесь мы могли позволить себе безнаказанно общаться только с теми, кто не определит в нас представительниц высшего класса, да и они должны быть ничуть не пьяные, не обдолбанные и не агрессивные от природы. К агрессивным молодым людям, а тем более к мужчинам, мы и близко не подходили. Для любого из них в порядке вещей настаивать на своем желании уединиться с женщиной, а нам не хотелось устраивать скандал, потому что мы, конечно же, подобное предложение бы отвергли.

А вот среди среднего класса отношения между полами куда проще, чем среди хладнокровных. А среди низшего вообще, говорят, приняты общественные семьи — несколько женщин и мужчин, спящих друг с другом и то и дело перемещающихся из одной семьи в другую. Такие дела.

Впрочем, хватит портить праздник. К счастью, народу было столько, что отойдя от верховников, мы тут же оказались среди другой группы мальчишек — в алом и желтом атласе. Эти молодые люди были проще в поведении и куда проще по роду, потому мы смогли остаться с ними, поболтать и даже немного пококетничать. Начала, как обычно Куль, нацепив свое самое очаровательное выражение лица.

— Как вы тут очутились?

— Красивые костюмы!

— Мы долго их готовили!

— А мы просто решили прогуляться, без подготовки. Взяли — и пришли!

— Вы тут самые красивые!

Как только мы с ними смешались, я увидела симпатичного молодого человека, который сидел в центре на каменной скамейке и неловко крутил в руках шляпу, кусок желтой обивки у которой отваливался и вяло свисал с полей.

Увидев, что на него смотрят, он улыбнулся и пожал плечами, мол, с каждым могла произойти такая неприятность.

Я подошла ближе. Он казался высоким, ноги скрестил и вытянул вперед, не заботясь, что на них наступят. Пришлось наклониться очень низко, чтобы он услышал мои слова среди общего гомона.

— Что-то случилось?

— Да вот, оторвалась, — он тут же повернулся так, чтобы его губы оказались напротив моих губ. Хитрец! Думал, я впервые встречаюсь с такими маневрами?

— Почему? — делая вид, что не понимаю, как близко он находится, спросила я и

хлопнула пару раз ресницами.

— Какая теперь разница... — он наклонился еще ближе, но я резко отпрянула, оставив его с глупым лицом сидеть на лавке. Все, кто стояли вокруг, расхохотались. Он перестал тянуть губы к тому, кого уже рядом нет и тоже рассмеялся, беззлобно смотря на меня снизу вверх.

Даже не разозлился, как злятся дураки, когда проигрывают!

Да он мне нравится!

Поднявшись, он кое-как пригладил обивку, чтобы не отваливалась, надел шляпу и подошел ближе.

— Меня зовут Рики! Не обижайся, просто я когда тебя увидел, понял, что мне очень хочется тебя поцеловать.

— Ладно, забыли.

Тоже мне, удивил! Да сюда большинство окружающих явилось только для того, чтобы найти пару, которую можно целовать. И не только целовать. И скорее всего, не одну пару...

Но он искренне улыбался и агрессии в нем не виднелось. Он вообще был очень светлый — и волосы, и сияющие глаза, и покрытые румянцем щеки.

— Давай тогда просто погуляем? А там посмотрим, что выйдет, — лукаво предложил он.

— Давай.

Что, не ожидал такого быстрого согласия? Мы переглянулись, наши взгляды: его — удивленный и мой — вызывающий, скрестились, смягчая напряжение и мы вдруг расхохотались.

А он действительно мне нравится!

Нет, вечер однозначно удался. Светлый незнакомец протянул мне руку и когда я готова была её принять, вдруг ощутила на спине этот расплзающийся вдоль позвоночника холодок...

И вздрогнула. Как будто что-то колет между позвонками.

Я принялась оглядываться по сторонам. Никого. Ничего вокруг, только веселая толпа. Но осталось такое зябкое ощущение между лопаток, будто мне туда пытались воткнуть нож и чудом не успели.

Гулять почему-то перехотелось. В воздухе запахло опасностью, но кроме меня, кажется, этого никто не заметил. Рики, все так же болтая, сам схватил мою руку, но я почти ничего не соображала, насторожившись в попытке ухватить источник этого неуловимого напряжения. Почему-то я ни секунды не сомневалась, что оно существует само по себе, а я просто как антенна, уловила волны.

Зорма хохотала в окружении двух молодых людей, Куль была окружена целой толпой и даже Валисса нашла себе поклонника. А я вдруг перехотела веселиться. Этот укол, который длился всего миг, казалось, принес в мою кровь такую порцию одиночества, что я просто диву давалась, почему я до сих пор не завываю от отчаяния. Как будто мне сделали инъекцию и то, что находилось в шприце, расплывается теперь по телу и заставляет тосковать.

Да что такое? Я потрясла головой, сбрасывая наваждение. Я же собиралась веселиться всю ночь напролет! Я собиралась танцевать, смеяться и пить разбавленное цветочное вино. Пробовать все угощения, которые только встретятся на пути и ни в чем себе не отказывать!

Разумеется, кроме того, что касается моего позорного секрета.

Мне не хотелось мешать девчонкам развлекаться, пусть хоть они получают удовольствие

от вечера, раз уж у меня вдруг охота пропала, поэтому я попыталась улыбнуться и прислушаться к рассказу Рики. Мы ведь целый месяц готовились к карнавалу, планируя побег, а сейчас казалось, это последнее, что мне нужно!

Через несколько минут стало полегче. Тоска отступила и перестала сдавливать грудь тисками.

— Что с тобой? — наконец-то заметил неладное Рики.

— Ничего, — поспешила заверить я.

Зорма тем временем оказалась очень близко и я смогла ухватить ее за локоть и задержать на месте. Пришлось вырвать свою руку из ладони Рики и хотя его ладонь была теплой и нежной, без нее мне стало легче.

— Можно тебя на минутку?

Мы отошли в сторону.

— Инжу, ты чего?

— Понимаешь, что-то... захотелось побыть одной.

— Где? Здесь? — изумилась она, оглядываясь.

Действительно, как можно хотеть остаться одной среди такой огромной толпы? Это, по меньшей мере, небезопасно. А точнее — глупо.

— Хочешь, мы пойдем дальше вместе? А этих оставим, — спросила Зорма, кивая на молодых людей.

— Нет, вам же интересно...

— Да ладно, — фыркнула она. — Найдем других. Что в этих интересного? Они слишком примитивны, учатся в школе ремесел для среднего класса и даже не знают, кто сейчас министр финансов.

Я молча опустила глаза.

Иногда это ее пренебрежение раздражает. Как будто важно, знают они такие вещи или нет. Считается, что низшему классу вообще дела никакого нет до того, что творится сверху, потому что все равно они ничего с этим поделать не могут, так что зачем зря забивать голову? Тем более у них своих проблем предостаточно — некоторые из них, говорят, даже голодают!

Не знаю, насколько это правда. Тем более у нас очень правильное распределение ресурсов — такое, чтобы с голоду никто не умер. Я вообще плохо представляю, что такое голод — только раз в жизни испытывала нечто похожее, когда мы возвращались с пикника, где я из-за ссоры с родителями демонстративно не стала ничего есть и возвращались так долго, что по приезду я была готова съесть целую корову. Или даже сожрать без вилки и ножа.

Если они ощущают нечто подобное каждый день, мне их искренне жаль.

— Если вам все равно, то давайте уйдем, — сдалась я.

Зорма пожалала плечами, метнулась к Куль и вскоре мы бежали прочь, на несущиеся вслед уговоры молодых людей отвечая смехом.

Догонять они нас не стали. Рики стоял растерянный и какой-то потускневший, улыбка на его лице завяла и походила на сморщенный лист дерева.

Отбежав достаточно далеко, дальше мы пошли прогулочным шагом, влившись в толпу и следуя ее течению.

Толпа привела нас на площадь, где возвышался помост для хладнокровных. Там, на высоте примерно в два человеческих роста свысока за карнавалом наблюдали представители

нашего класса, все расфуфыренные в шикарные одежды и с оттенком приевшейся скуки на лицах.

Какое счастье, что мы не с ними!

— Смотрите, это же он! — вдруг испуганным голосом воскликнула Валисса.

— Кто? — мы тут же принялись рыскать вокруг глазами.

— Это же Глава Теневой квестуры!

— Где? — еле слышно прошептала я. Мои глаза метались по редким хладнокровным, которые прохаживалась по настилу или с прямыми спинами стояли возле перил. Облокотиться, понятное дело, они не могли, ведь тогда они станут похожи на тех, кто веселится снизу...

— Да не сверху! Вот же он, слева! — Зорма дернула меня за руку и я повернулась.

Томирис Хайде стоял не наверху, среди остальных хладнокровных, а среди гуляющих на брусчатке, возле узкого переулка, уходящего в темноту. Как всегда, в одиночестве. Как всегда, чужеродный на фоне любого общества. Он стоял довольно далеко, но сложно не узнать высокую фигуру, одетую в темное и с неизменным черным плащом, окутавшим плечи. Одна его рука лежала на эфесе силовой шпаги, а вторую он держал за спиной. Как обычно...

Горло сжалось. Мой кошмар вернулся?

Несмотря на толчею, он смотрел прямо в нашу сторону. И почему-то казалось, что смотрит он именно на меня.

Я резко отвернулась.

— Что он тут делает? — горячо зашептала Куль. — Как будто охотиться вышел... Страшный-то какой!

— Пойдемте отсюда, — я подхватила юбки и почти бегом направилась в противоположную сторону. Куда угодно, только подальше от ужаса по имени Томирис.

К счастью, девчонки ничего не заметили и торопились за мной, беспрестанно щебеча на ходу какую-то ерунду.

- Говорят, он самый жуткое существо среди хладнокровных. Из-за него нас так и прозвали! Его кровь — как у змеи...

— И уже больше пятидесяти лет Глава теневого управления — и никто не может его даже немного подвинуть!

— И он болел этим... как его, бешенством!

— Это точно вранье! Заболевшие бешенством никогда не выздоравливают! Я видела однажды такого в психбольнице! Он на цепи сидел и рычал!

— А этот взял и выздоровел!

— Ну-ну...

— А еще болтают, что ни одна женщина добровольно с ним не свяжется. Что он как зверь, жестокий и злой. Он их ворует с улицы... увидит красивую девушку — и приказывает к себе в дом привезти. А когда она ему надоест — выбрасывает на улицу прямо в чем мать родила!

— А кто мимо идет — подбирает, — хмыкнула Зорма.

— А еще!..

— Ну хватит!

Мы уже отошли далеко и спрятались за углом, так что я перестала сдерживаться.

— Хватит уже! От одних ваших рассказов жутко становится!

— А еще говорят — он чистокровный тандр! — выдохнула Куль, не слушая меня. Ее щеки порозовели от бега и сплетен, а глаза чуть ли не выкатывались наружу. — Представляете?

— Жуть какая... — присоединились остальные. Меня будто и не слышали!

Девчонки встали близко-близко, принимая меня в круг и склонили друг к другу головы, как делали еще в школе, когда обсуждали новую сплетню.

— Говорят, тандры женятся раз и навсегда, — глаза Куль горели почти так же ярко, как окружающие площадь фонари. — Никогда жен на свободу не отпускают, только если смерть ее заберет. Говорят, они запирают тех в своих домах под охраной и никогда не разрешают прокидать выделенных им комнат. Что уж там говорить о развлечениях! Им ничего нельзя, только служить мужу! Ужас!

— И они там в заточении... всю жизнь... несколько веков, — подхватила Валисса с дрожью в голосе. — Понятно, почему они вымирают. С такими-то дикарскими обычаями.

Девчонки прыснули.

— Хватит уже меня пугать! — не сдержалась я. — Мы день рождения празднуем, веселимся или что?

— Да ладно тебе, Инжу, — миролюбиво улыбнулась Куль. — Чего ты боишься? Где он бывает, а где мы... Главное, на улице ему не попадаться! Вдруг глаз положит?

— Хватит, я сказала!

— Интересно, а правда, что у тандров существует связь между парами на ментальном уровне? Говорят, так мужья и узнают, что жены их ослушались — просто чувствуют!

— А что они выбирают пару не из практических соображений, а только по любви?

— По любви? — фыркнула Куль. — Вот это точно ерунда полнейшая! Все по расчету, а они вдруг по любви?

— А почему тогда они так поздно женятся? А бывает, не женятся вообще? — спорила Валисса, не давая мне и слова вставить. — Потому что долго ищут жену!

— Ага. А потом запирают ее в четырех стенах и до конца жизни заставляют себя слушаться, — со злой иронией дополнила Куль. — Может, потому и ищут долго? Кто из хладнокровных добровольно отдаст родную дочь такому монстру как тандр?

— Да замолчите вы уже, наконец! — зашипела я.

— Ну ладно, ладно, — Зорма уже смотрела в сторону. — Смотрите, какие пирожные продают! Пойдемте пробовать.

— Я угощаю!

Со всех ног я бросилась к торговцу, радуясь, что он спас меня от их болтовни. Руки дрожали, когда я доставала монеты из кошелька, но главное, что этот пугающий разговор прекратился.

Никто из моих многочисленных подруг не знал, что я знакома с Томирисом лично. В моей жизни он появился несколько лет назад, когда мне исполнилось пятнадцать и я только-только закончила школу. Он стал часто бывать в нашем доме, я так и не знаю, с кем из родителей у него были дела. И какие. Вряд ли он был любовником матери — та предпочитала мужчину веселых, предупредительных и пухленьких — полную противоположность хмурому, жилистому Томирису, который вряд ли бы смог придумать хотя бы один пустой комплимент, а тем более навешать их гроздьями, как мамины ухажеры.

Вот, кстати, вторая черта, присущая классу хладнокровных — они до маньячества

блюдут честь дочерей, но стоит ту выдать замуж, как всем вокруг становится безразлично, сколько любовников та заводит. Большинство семей поддерживали свободные отношения — как мои родители. Главным считалось забеременеть от мужа, что проверялось анализами, а как ты проводишь свободное от обязанностей жены время, никого не волнует.

Так вот, с отцом у Томириса тоже вряд ли могли найтись общие дела. Мой отец в мире хладнокровных чиновник далеко не последнего ранга, но между ним и главой Теневой квестуры, которая оказывает влияние на все решения совета и Короля, как минимум десять ступеней главенства. Проще говоря — не менее десяти начальников разных мастей.

Так что, какая причина заставила Томириса появиться в нашем доме, так и осталось для меня загадкой. Когда же я пробовала расспросить родителей, то они начинали жутко нервничать и придумывать такие нелепые глупости, что я быстро перестала мучить их расспросами. Наверное, какой-то грязный секрет. Про Томириса Хайде много чего говорили, через неделю после того, как он стал у нас появляться, я собрала на него досье.

Хуже того, почти каждый вечер он оставался на ужин.

Я до сих пор с содроганием вспоминаю эти вечера. Хотя нет, говоря по правде, ничего ужасного в них не было, но судя по полученной информации, в его обществе полагается чувствовать себя не в своей тарелке.

Мне, конечно, было любопытно посмотреть на объект сплетен, да еще когда говорят, что его дико боятся сильные мира сего. Да еще и возраст у меня был такой, что хотелось во весь голос кричать о своем протесте против всего, чего только мне пытались запретить или навязать.

Стоит держаться подальше? Да ни за что!

Я ничего страшного в нем не видела. Он не рассказывал ничего страшного, да и вообще мало говорил. Зато внимательно слушал, что говорили другие.

Родители, вероятно, чтобы поддержать беседу самым простым способом, а может, избегая неудобных тем, только и делали, что задавали мне вопросы об учебе, подругах и моих интересах, ну или вспоминали мои детские годы.

До того случая, пока я не разозлилась. Помнится, была у меня в детстве любимая игрушка — пушистый шар розового цвета, который мурлыкал, разговаривал и смеялся, если ему почесать пузико. Сколько себя помню, я с ним никогда не расставалась даже на минуту. И вот однажды родители стали расписывать в красках, как я была к этому шару привязана. Ну прямо такую идиотку из меня сделали, что я от злости чуть ли не пыхтела. Что за манеры такие — рассказывать первому встречному о глупом детстве? Еще бы рассказали, как часто я на горшке сидела!

— Правда, Инжу, ты его обожала? — спросила меня мама.

— Терпеть не могла этот вонючий кусок говна, — ответила тогда я, прекрасно зная, что за это слово меня накажут и еще как. Но я ведь взрослая и пусть видят, что я взрослая, а не ребенок, которого волнуют какие-то там детские игрушки. Конечно, никто не узнает, что шар до сих пор живет в моей комнате и я никогда не ложусь спать, предварительно не пожелав ему спокойной ночи и не поцеловав в теплый шершавый нос. Нет, этого знать никому не нужно. — Вообще игрушка жуткая, — мстительно добавила я, смотря папе в глаза. — Каким нужно быть идиотом, чтобы выбрать ребенку такое чудовище! Денег, что ли на нормального медведя пожалели!

Родители после моих слов почему-то застыли, вместо того, чтобы возмутиться и просто выставить меня из-за стола, как делали обычно.

Я высоко держала голову, потому что была намерена продемонстрировать свой немалый возраст и жизненный опыт. Они еще увидят, что я не ребенок!

В тишине вдруг раздался хруст. Мама ахнула и я чуть не повторила за ней — вилка в руке Томириса, сделанная из настоящего высокопроцентного серебра, была сломана на две части. Он вслед за нами опустил глаза на обломки и осторожно положил их на тарелку, а потом резко отдернул руку и спрятал под стол.

— Извините, — отрывисто произнес он, ни на кого ни глядя.

Все неловко промолчали, и тогда Томирис поднял с колен салфетку, положил поверх сломанной вилки, поднялся и быстрым шагом вышел из столовой, не закончив ужина.

В тот вечер меня так и не наказали, но я и сама настолько испугалась, причем неизвестно чего, что пообещала никогда больше не портить застолье подобными выходками.

Чего я испугалась? До сих пор понять не могу. Со временем я убедила себя, что видела, как его глаза угрожающе сверкают и вроде он даже зло скалился. И возможно, мое общество ему было неприятно. Я немного чувствовала себя героиней — еще бы, довела такого легендарного злодея до того, что он не сдержал раздражения — и это я, пятнадцатилетняя выпускница школы! Ха-ха!

Впрочем, больше он на ужин не являлся и я быстро о нем забыла, конечно, предварительно растрепав друзьям, что он вовсе не такой уж и страшный, как гласят слухи, я лично его вообще ничуть не испугалась, несмотря на его крайне агрессивное поведение. При этом все делали вид, что верят и никто вроде бы не расслышал в моем голосе дрожи.

Итак, Томирис остался в прошлом.

К тому же в те времена у меня были совсем другие интересы...

Хотя, если уж совсем по правде, интересы были точно такие же, как сейчас, но мозгов, вынуждена признать, все же было поменьше.

Я впервые в жизни влюбилась. Ему исполнилось семнадцать и он был кузенком Зормы.

Никто никогда не знал и не узнал, что тогда, получив в ответ на свои признания от объекта своего обожания лишь скептическую улыбку, я решила предоставить ему единственное доказательство, которое должно было его убедить в том, что я настроена крайне серьезно — я решила подарить ему свою девственность.

Мы с подругами много и часто болтали о том, что не родителям решать, когда и с кем мы познаем любовь, но для меня вся эта болтовня была ни о чем. До этого момента. Припомнив, какие уверенные были у нас голоса и какие громкие лозунги звучали в тишине наших комнат над склоненными друг к дружке головами, я подготовила письмо, где назначила интимное свидание и отправила его своему возлюбленному.

Целый день ничего не происходило — он мне не отвечал. Я места себе не находила. Переживала жутко! Неужели он меня отверг? Это невозможно! Но почему тогда молчит?

Вечером меня срочно вызвали к отцу. В тот момент меня не волновало, зачем, я просто шла по коридору, тупо смотря перед собой и думала, что возможно, я совсем не так уж и симпатична, как считаю и, возможно, кузен Зормы не увидел во мне того, что вижу я сама, глядя в зеркало. Возможно, мои ровные золотистые волосы кажутся ему чересчур желтыми, а серые глаза чересчур обычными? И говорят, что мужчины любят другую грудь, похожую на арбузы, то есть раз в пять больше моей...

Подойдя к кабинету ближе, я вдруг услышала голоса. Мой отец быстро-быстро что-то говорил, причем таким тоном, будто извинялся. Надо же, никогда подобного не слышала. Папа всегда был образцом хладнокровия, даже на встречи со своими любовницами уезжал с

таким видом, будто это тяжкая обязанность.

Я была слишком рассеяна, чтобы подумать о том, что вообще делаю, поэтому просто подошла и постучала.

Голос отца смолк. Раздались шаги и он открыл передо мной дверь.

— Заходи.

И не здравствуй, ни как дела.

Впрочем, когда я вошла, сразу же забыла про отца. Перед его рабочим столом в полукруглом кресле расположился Томирис Хайде и в том момент, смотря в его глаза, я поняла, отчего его так боятся сильнейшие мира сего.

Тряхнув головой, я уставилась на крошечные круглые пирожные, покрытые глазурью такого яркого цвета, что казалось, их покрасили масляными красками, и переключилась на карнавал.

— Я буду желтую, сиреневую и пурпурную! — Зорма хлопнула ладошками. — И еще салатovou!

Куль уже держала в руках салфетку с тремя шариками.

Я выбрала черные, все четыре шарика, которые нашлись у продавца. На вкус они были почти горькие от шоколада, но мне как раз хотелось чего-то подобного — смешанного сложного вкуса, соединения противоположного, сладость, оттененная привкусом горечи. Или не хотелось?

Я не могла разобраться, что мне нужно, а просто стояла и жевала эти пирожные, которые мне совсем не хотелось есть. Мне хотелось оказаться дома, подальше от карнавала и веселья, которое вдруг стало меня пугать, ведь тут, среди людей, ходили такие как Хайде — непонятные люди, выбивающие тебя из равновесия.

Дожевать пирожные я не смогла и завернув салфетку, бросила ее в урну.

— Извините меня, — перебила я Куль, чьи щеки были измазаны кремом. — Мне стало нехорошо. Простите, правда, я не хотела вам портить праздник, но мне нужно домой. Мне дурно. И завтра еще такой тяжелый день... прием.

— А, — Зорма вдруг кивнула, как будто, наконец, поняла, что я имею в виду. — До Инжу наконец-то дошло, что завтра ей исполняется двадцать один, а это значит, что она попадает прямиком на брачный рынок следующего сезона.

Я поморщилась. Не хотелось думать, что вскоре я выйду замуж. Точнее, выдадут. Большая часть женщин хладнокровных выходила замуж в первый же свой брачный сезон. А точнее — почти всех выдавали замуж родители.

— А все предполагаемые женихи наверняка страшнее смерти, — подхватила Куль. Они с Зормой два сапога пара — понимают друг друга с полуслова.

— Не знаю, мне никто ничего не предлагал.

После длинной паузы Зорма и Куль недоуменно переглянулись.

— Как не предлагал? Разве родители не выдали тебе список предполагаемых кандидатов с процентным сравнением выгоды по всем десяти пунктам, включая генную совместимость? — спросила Куль.

— Нет, родители ничего мне не выдавали.

Я с усилием терла ладони, потому что сладкий крем оказался очень липучим и не желал оттираться с кожи.

— Инжу, а тебе не кажется это странным? — вдруг подала голос Валисса. Если я могла

игнорировать намеки или насмешки остальных двух, то Валиссу — нет.

— Вы о чем?

Зорма ответила за всех.

— Инжу, такие списки составляются для всех невест. Для всех, понимаешь? Мне двадцать один только через четыре месяца, но мне уже выдали мой список.

— И мне, — добавила Куль, обхватывая себя за плечи, что случилось только когда она нервничала.

Я с надеждой обернулась к Валиссе.

— И мне, — прошептала она.

Валиссе только недавно исполнилось двадцать.

Я машинально продолжала тереть ладони.

— Не вижу ничего странного, — даже удивительно, отчего мой голос звучит так ровно. — Завтра с утра выдадут, я уверена. Родители четко стараются придерживаться принятых правил и не станут нарушать их даже на день раньше.

Спорить со мной никто не стал.

Так вечер и закончился — я даже не вернулась к Зорме, а взяла такси с охраной и уехала домой. Там, в комнате, где у изголовья кровати все так же жил мой розовый пушистик, и тиская его в руках, я уже не смогла солгать самой себе и призналась — мне не подготовили списка.

Мне его просто не подготовили! И как это понимать?

Чтобы заснуть, мне пришлось принять снотворного.

Утро началось в обед. Хладнокровные не обязаны придерживаться какого-либо четкого графика — они хозяева мира и могут сами решать, когда ложиться или вставать. Рано я встаю только на учебу, но сейчас лето, и можно дрыхнуть сколько влезет. Прием только вечером.

Я приняла душ и, накинув халат, принялась сушить волосы феном. Слишком длинные, но мне нравилось, как тяжело они укрывают спину, ради этой тяжести я готова была даже терпеть боль во время расчесывания спутанных прядей.

Почти сразу же явились родители. Они вошли вдвоем, плечом к плечу, но все равно казалось, что это посторонние друг другу люди, сведенные вместе случаем — а ведь у них трое общих детей, я и младшие братья-близнецы.

— Инжу, позволь поздравить тебя с совершеннолетием! — начала мама и протянула бархатную коробочку, обвязанную алой лентой.

— Теперь ты свободна в своих перемещениях, планах и получаешь причитающееся тебе состояние, — добавил папа. — Деньги переведены на твои счета, но из-под нашей опеки ты, естественно, выйдешь только после того, как окажешься замужем.

Я невольно покраснела. Как будто это опека меня удерживает от глупостей! А родителям хоть бы хны — сделали вид, что не понимают, почему я так злюсь.

Они поздравляли меня еще минут пять, а потом сообщили, что прием назначен на семь часов вечера. Наряд, естественно я могу выбрать сама.

«В рамках положенного, естественно», мрачно прибавила я про себя. Даже мысли никто не допускает, что я могу выбрать брюки. Нет, конечно же, только платье, длинное, в пол. И только распущенные локоны, потому что именно в таком виде принято выставлять невесту на брачный рынок, а что прием задуман по этому поводу, так вообще без вариантов.

— Мама... А как насчет моего подарка? — спросила я, когда содрала с коробки яркую цветочную упаковку и нашла внутри гарнитур с изумрудами — дорогой, но бесполезный. Я-то хотела получить предсказание.

— Милая, прости, — мама сделала виноватый вид, который у нее бывал, когда она не могла или не хотела мне дать желаемое — будь это конфета или такая ерунда, как секс именно тогда и с тем, кого я выбрала сама. Мол, ах, эта ерунда! Забудь! Ненавижу этот взгляд.

— Инжу, сейчас не существует ни одной настоящей пророчицы. Последней была Таука, но она умерла еще до твоего рождения.

— Таука? Но она же вообще предсказывала только тандрам!

Родители снова непонятно переглянулись.

— Какая теперь разница? Главное, другой пророчицы не появилось, только шарлатанки. Поверь, мы проверили всех, с таким же успехом можешь устроить сама себе сеанс гадания. Или ты просто хочешь шоу?

— Нет.

Какое там шоу? Я хотела настоящее, полноценное предсказание, которое бы мне открыло раз и навсегда — буду ли я счастлива? Или буду, как родители — жить сама по себе, не любить ни мужа, ни родственников и только к детям испытывать некое подобие симпатии.

Пройдет ли моя жизнь так же бессмысленно?

— Мне жаль, — сказал папа, но судя по голосу, жаль ему совсем не было.

Потом они еще раз меня поздравили и собрались уходить.

— Папа! — мой голос остановил их уже на пороге. — А почему вы не привезли мне список претендентов в мужья? Их же для всех невест составляют!

Удивительно, но теперь они стали как одно целое. Их спины окаменели одновременно и одновременно они натянуто улыбнулись.

— Не волнуйся, отдыхай, об этом поговорим завтра, — с напускным спокойствием ответил отец. Дверь за ними закрылась, но я ничуть не успокоилась. Я возможно, молода, но не настолько наивна, чтобы не увидеть во всем происходящем какой-то ненормальности. Что-то тут не так, и вот вопрос, хочу ли я знать, что именно?

Наступил вечер, время приема.

Бледно-зеленое платье волнами спускалось по моим бедрам, плечи прикрывали только волосы, и я надела подаренный с утра гарнитур с изумрудами. При ближайшем рассмотрении он оказался еще прекраснее и наверняка, куда более дорогим, чем подарки, которые я получала прежде. Честно, не думала, что родители, несмотря на все свое состояние, могут позволить себе дарить подобные украшения — например, огромный камень, который опустился в ложбинку моей груди походил на слезу, настолько тонко ограненную, что бесконечно сверкал мириадами тончайших искорок и наверняка стоил бешеных денег.

Это было самое красивое украшение, которое я когда-либо видела. И создано будто для меня — мои глаза неожиданно приобрели оттенок зелени, а волосы стали играть ярче.

Ну вот, я и готова.

Я опустилась на стул перед большим зеркалом и стала смотреть на свое отражение.

В доме раздавался нарастающий гул, доносящийся из большой гостиной. Гости уже

съезжались, но меня им представляют только когда все соберутся, значит еще как минимум полчаса у меня в запасе.

Что меня ждет впереди?

Я смотрела в зеркало и вспоминала свою жизнь. Она была такой же, как у всех остальных моих подруг. Она была такой же, как у девчонок, с которыми я никогда не дружила. У тех, кто старше меня и младше, кто красивее и уродливее. Одна из многих. Одинаковая. Мы были богаты, свободны и могли делать все, что угодно. Разумеется, только после свадьбы. Но по сути, что там... первый двадцать один год жизни помучаться в строгих рамках ограничений и еще год потратить на рождение наследника — и последующие полтора-два века полнейшей свободы тебе гарантировано, ведь хладнокровные живут очень долго. Говорят, существуют те, кому перевалило за тысячу лет. И умираем мы чаще всего не по причине болезни, а по причине несчастных случаев. И стареем только перед смертью.

Так что впереди у меня, вероятно, самое интересное?

Но вспоминая родителей, и как они наверняка сейчас прохаживаются по гостиной — вместе, но словно чужие; и как отец Зормы частенько заходит в комнату поздороваться с дочерью, оставляя под дверью ждать свою очередную любовницу примерно нашего возраста, но из-за более низкого происхождения уже с пятнадцати лет сопровождающую мужчин; или всех тех молодых пронирыливых людей, увивающихся за пресыщенными удовольствиями женщинами вроде матери Куль... Неужели я буду жить так же?

Меня передернуло. Я смотрела в зеркало, где отражалось милое, невинное существо в нежном платье и представить не могла, что это воздушное создание думает о настолько приземленных вещах. Что оно только с виду такое невинное.

Еще я думала о физической любви и о том, что мне хочется мужчину. Хочется узнать, что это такое, почувствовать на себе чужие руки, которые будут ласкать мое тело, сжимать мою грудь и проникать во... всякие другие места.

Я сглотнула. Нужно остановиться. И не потому, что мне не положено о подобном думать — нет, совсем нет, а потому что думать об этом в свое совершеннолетие, на пороге того времени, когда все вышеперечисленное будет можно, как-то странно. Даже как-то неправильно.

Меня насильно лишали столько вещей, но по крайней мере, одной вещи теперь лишать не смогут.

Скоро я избавлюсь от своего позора.

В тот далекий вечер, пойманная на месте преступления, я была уверена, что самое страшное в жизни — если кузен Зормы меня не полюбит.

Я ошибалась.

За спиной раздался стук захлопнувшейся двери и только тогда я поняла, что отец ушел, оставив меня наедине с Хайде. Но как? Почему?

В комнате царил полумрак, отец не любил яркого света, от которого у него слезились глаза и портилось зрение, так что все домашние давно привыкли к тускло светящимся лампам. Но сейчас тень, которая накрывала Томириса, пугала своей подвижностью.

Он пружинисто поднялся из кресла и принялся дергано расхаживать перед окнами. Когда его взгляд перестал меня терзать и нашел другой объект внимания, на поверхности ковра с мелким узором, я украдкой вздохнула полной грудью. Слишком тяжело, оказывается, выносить такую силу недосказанного.

Он смотрел так, будто ему ничего не стоило взять меня и сломать пополам.

— Инжу... — Томирис остановился.

Мне пришлось снова заставить себя дышать. За все время посещения нашего дома и совместных ужинов он произнес мое имя вслух впервые и оно прозвучало так... так задумчиво, так полно, что мне хотелось попятиться и выйти из комнаты прежде, чем он его повторит.

— Когда мне было пятнадцать, я хотел доказать всему миру, что никогда не стану таким, как остальные. Что я могу сломать стереотипы и стать первопроходцем... во всем.

К счастью, моего имени он не повторял и повернулся ко мне спиной, поэтому я смогла немного успокоиться и взять себя в руки.

— На самом деле я даже не знаю, что тебе сказать, — помолчав, добавил он.

Я, честно, вообще не понимала, с какой стати он мне тут что-то говорит. Какая мне разница, каким он там был в пятнадцать? Тоже мне, герой! Сейчас он такой же, как все остальные, значит, сдался. Превратился в одного из подконтрольных системе взрослых.

А я-то точно не сдамся и еще всем им покажу!

— Инжу, — он развернулся. Я все-таки отступила, потому что его лицо было таким кривым, будто у него разболелись все зубы одновременно.

— Почему вы мне все это говорите? — решила я выступить. — С какой стати? Что вам от меня нужно?

Он промолчал, опуская глаза.

— Инжу, — сказал Томирис более твердо. — Ты любишь этого мальчика?

— Какого? — в горле пересохло, но в тот момент я и не вспомнила о своем письме, потому что не была отдельной личностью, а существовала только как не имеющее воли отражение Главы Теневой квестуры, серого кардинала, ворочающего такими деньгами, людьми и подводными глыбами политики, которые я не способна даже вообразить.

— Которому ты вчера написала записку с предложением... встречи.

Моя челюсть отвалилась.

— Вы... читали? — вот что больше всего почему-то возмутило меня в тот момент.

— Да, твой отец... он показал мне.

— Да как вы посмели? — вот что я ненавидела во взрослых, так это их двуличность — сами вытворяют такое, что вслух стыдно произносить, а письмо, в которую я вложила свою душу... свою первую искреннюю любовь!

— Да как вы вообще смеете лезть в мои дела? — мое возмущение становилось все сильнее, потому что я пребывала в растерянности. Я не понимала, что происходит в этой комнате и почему вместо родителей меня отчитывает Хайде. Почему-то я ждала, что сейчас он откроет рот и расхохочется, как злодей сериала, но он выглядел так серьезно, что становилось только хуже. Его темные глаза не выражали ровным счетом ничего и казались ямой, у которой не видно дна. А может, его там просто не было.

— Ты права. Я не должен был этого делать.

От неожиданности я вообще забылась, где и с кем нахожусь, и ринулась в бой.

— Отвяжитесь от меня! Идите к черту с вашими нотациями!

— Инжу, — он поднял ладонь в жесте умиротворения, чем окончательно лишил меня разума. Я визжала так, что сама от своих воплей глохла.

— Катитесь к дьяволу со своим выговором! Плевать я хотела и на тебя, и на всех остальных! Я буду делать, что хочу, и никто, слышишь, никто меня не остановит! И только

попробуй меня запугивать! Меня тошнит от тебя. От всех вас! Тошнит от ваших двойных стандартов! Как вы все ходите, задрав нос и кичитесь своими манерами, а сами... а сами... Женам изменяете, будто совершенно свободны и не связаны брачной клятвой! Вытворяете, что угодно, а меня хотите в узде держать? Готовите десерт, сладкое для моего будущего мужа, такого же гулящего кобеля, как все вокруг? Да идите вы!

— Твой муж будет другим.

— Что? — от неожиданности я забыла все гадости, которые собиралась ему сообщить, замолчала и захлопнула рот.

— Твой муж будет тебе верен.

— Что? С чего вы взяли?

Хайде мягко улыбнулся. Впервые на моей памяти. И от этой невероятной улыбки сердце затрепыхалось такой мелкой безудержной дрожью, что мне стало за себя стыдно и противно.

— Просто поверь моим словам, так и будет.

Потом Томирис мелкими шажками подошел ближе и дотронулся пальцами до моего левого локтя.

— Успокойся, Инжу. Нет причин так сильно волноваться. Когда-нибудь ты поймешь... Когда станешь старше.

Это легкое, практически невесомое прикосновение почему-то выбило меня из колеи еще быстрее, чем все, что произошло в этой комнате прежде. Что-то было в нем настолько ужасное, что я никак не могла определить и объяснить, но совершенно точно это пугало меня до дрожи в коленках.

Я резко вывернула локоть и отпрянула.

— Не смейте меня трогать!

Это была натуральная истерика.

— Не смейте ко мне приближаться! — орала я и видела только отрывками, как появляются родители и домашняя охрана, как меня хватает и держит папа, а мама закрывает от Томилиса, как будто тот собирается меня бить. Как он сам отворачивается и отходит от нас, а я от этого злюсь еще больше и кричу:

— Я люблю его, слышишь? Я стану его женщиной и никто меня не остановит. Слышишь меня? Все знайте! Вы все тут лицемеры! А я — не буду!

И еще я видела, что родители не боятся Хайде, как и я. Отец смотрел ему вслед безо всякого страха, а даже с каким-то непонятным мне торжеством.

Самое смешное, я была уверена, что победила. Что показала им кузькину мать! Ну что они мне сделают? Что?

Оказалось, они все-таки сильнее и способны меня обыграть.

Тем же вечером, после дозы успокоительного на меня одели пояс верности — современный вариант в виде тонкой цепочки на талии, которую вешали всем гулящим женщинам, отказывающимся выполнять свой долг по рождению мужу законного наследника. Самый большой позор, который может испытать хладнокровная.

Я никогда не забуду, что благодаря Томирису Хайде испытывала этот позор в течении нескольких последних лет своей жизни.

Мое появление вызвало шквал свиста и улюлюканья. Я стояла на небольшом возвышении между отцом и мамой, улыбаясь собравшимся в нашем доме гостям. Половину из них я никогда прежде не видела, но наверняка они составляют элиту хладнокровных,

иначе бы не получили приглашения.

А с другой половиной, в основном женской, я неоднократно встречалась на детских и смешанных праздниках. Тоже мало интересного. В толпе мелькали Куль с Валиссой, своим веселым щебетом старательно пытаюсь скрасить атмосферу скуки и обреченности, которая царит на любом представлении невесты.

— Она прекрасна! Просто прекрасна!

К нам подошел Фостер Глум, один из верховных советников. Посещение гражданских мероприятий входило в их список обязанностей. Думаю, он произнес бы нечто подобное, даже будь я похожа на крокодила.

— Благодарю, Фостер, — сказала мама и я отвернулась, не желая слышать в ее голосе эти нотки, как завод механической игрушки — пока она не выполнит запланированные действия по соблазнению, не успокоится — так и будет скрипеть и двигаться вперед.

Потом меня многие поздравляли. И в какой-то момент над головой врубили яркий свет, чтобы в танце кавалеры не оттоптали своим дамам ножки. Или наоборот — чтобы они сами не покалечились об острые дамские каблучки.

Я почти ослепла. Последнее время в нашем доме редко можно было угодить под прямой электрический свет, да еще такой мощности, поэтому мои глаза, подобно папиным, с непривычки слезились.

Спасало только то, что окружающих по большому счету не волновала ни я, ни сам вечер — они просто исполняли свой долг. В этот вечер мною могли заинтересоваться только предполагаемые женихи, по сути, сейчас вокруг меня должны были толпиться все претенденты из списка, чтобы познакомиться живьем. Но раз нет списка — нет и компании.

Было душно и при этом почему-то зябко. Мне хотелось прикрыть плечи чем-нибудь теплым, хотелось, чтобы свет перестал бить в глаза и рядом перестали появляться все эти люди со своими поздравлениями, которые звучали так, будто их выдавливали из последних сил. Когда показалась новая тень, я заготовила набившую оскмину улыбку и понадеялась, что поздравления продлятся недолго, а тем временем очередной мужчина взял мою руку и легко ее сжал.

— Инжу, вы прекрасны.

Впервые с начала вечера я поверила чьим-то словам, потому что таким тоном не врут. Интересно, а если попытаться открыть глаза? Нет, слишком больно, лучше снова опустить их к полу, не получив доказательств. Но я и без них руку даю на отсечение, что передо мной Томирис. Его невозможно не узнать.

Только его голос был не очень-то похожим на тот, что преследовал меня иногда в ночи, когда за окном гроыхала душная летняя гроза. Я столько лет считала, что ненавижу этот голос, а теперь он звучал недостаточно грозно и ужасно, чтобы оправдать свою собственную репутацию.

И даже наоборот...

— Спасибо, — ответила я, равнодушно растягивая губы, как отвечала всем остальным.

Хайде поцеловал мою руку, отпустил ее и спокойно спросил:

— Инжу, вы согласитесь подарить мне свой первый взрослый танец?

За секунду все замолкли и наступила немая тишина, изумленная и возможно, даже шокированная.

— С удовольствием.

Музыка прогрохотала, когда мы дошли до середины зала и Томирис повел меня в танце,

так легко и уверенно, будто именно так должно быть. Я послушно следовала его воле, отдавшись ритму танца и практически закрыв глаза. Вот что меня интересовало в тот момент — чем это закончится? Неужели скандалом? Хотя нет, до скандала не дойдет, но кости мне мыть будут долго. Дело в том, что свой первый танец я должна была в честь уважения отдать отцу или самому старшему родственнику мужского пола, чтобы все вокруг умилялись моей красотой на фоне силы и величия мужчины, который меня оберегает. Хотя, Томириса, возможно, уважают не меньше, чем любого из моих родственников. А еще он так вовремя предложил мне уйти оттуда, убраться с пьедестала, на котором мне следовало провести весь вечер, показывая себя с лучших сторон, что невозможно было отказаться. Просто не хватило сил. Как же вовремя он подвернулся под руку! Как он так сумел выбрать единственный момент, когда я не смогла ему отказать, несмотря на всю злость, которую тщательно культивировала последние годы?

Из-за него мне пришлось таскать на себе пояс верности, будто я животное, страдающее бешеным материнством. Он мимоходом влез в то, что было мне свято, уничтожил его и уехал на годы, не позаботившись поинтересоваться о том, как я буду жить в положении, в котором благодаря его решению оказалась.

Тем удивительнее, что сейчас я с ним танцую, причем свой первый взрослый танец и... ничуть об этом не жалею.

Его рука лежала на моей талии совершенно неподвижно, но как защитный барьер — видимо, именно так во время первого взрослого танца старший в роду давал понять окружающим, что не отдаст невесту первому попавшемуся кавалеру, да еще без боя.

Оказывается, Томирис большой собственник, не желающий выпускать из рук даже то, что принадлежит ему только на время танца. Неудивительно, с его-то должностью.

Некрасиво в этом признаваться, но отец никогда не стал бы за меня драться. Не стал бы демонстрировать, что пойдет на все, защищая меня от посягательств. Его методы куда грубей и действенней — надеть пояс верности и считать, что так будет лучше.

Если бы происходящее зависело от отца, я бы еще долго стояла рядом с ним, изнывая от невозможности перейти к танцам, где хотя бы что-то происходит.

Нет, я не жалела, что отдала свой первый танец другому.

- Пойдемте со мной.

Когда звучали последние аккорды, Томирис так же уверенно повел меня в одну из высоких ниш, украшенных цветами. Мне и в голову не пришло протестовать.

Оказавшись в тени, я с облегчением вздохнула. Он развернул меня спиной к залу, отсекая свет, и глаза перестало резать.

— Так лучше?

Забавно, что он проявляет какое-то подобие заботы. После всех этих лет, когда никто не мог ко мне прикоснуться...

Я грустно улыбнулась и открыла глаза.

И если я собиралась что-то сказать, то сразу же обо всем забыла, уставившись на стоявшего передо мной человека.

Да, это был прежний Томирис.

Тот — и не тот.

Но как же он, оказывается, красив!

Я не ожидала, что столкнусь с совершенно другим человеком. Не со страшным персонажем общественных сплетен и не с объектом опытов, о результатах которых можно

хвастаться подружкам. Я не ожидала, что вместо этого столкнулись лицом к лицу с женщиной.

Он был совсем как прежде, но теперь я оценивала по-другому. Когда мы виделись в последний раз, Хайде входил в разряд взрослых, которые сговорились портить мне жизнь и лишать меня свободы. А сейчас... Я не знала, как воспринимаю его сейчас.

Но как же он красив!

Девчоночьи журналы часто печатают фотографии симпатичных мальчишек. Давно уже мы с подругами просматривали и женские журналы, тоннами доставляемые из книжных магазинов нашим матерям — по сути то же самое. Ухоженные модели с гладкими телами и призывно приоткрытыми губами, чья грубая линия обведена карандашом, дабы подчеркнуть силу его улыбки.

Посмотрели бы они, как должны выглядеть губы уверенного в себе человека, привыкшего к непростым и не всегда мирным решениям. Его лицо было худым, но каким-то твердым — и подбородок, и скулы, и серые глаза. Густые брови и довольно широкие губы. Отросшие до мочек ушей коричневые волосы, убранные назад и слегка вьющие на кончиках. Покрытая естественным заггаром, обветренная кожа.

Интересно, почему фотографии таких, как Томирис не печатают в журналах? Хотя о чем тут думать? Ответ проще простого — я не могу представить, что он окажется перед камерой и начнет позировать. Улыбаться и строить глазки. Изгибаться, чтобы ягодицы выглядели более выпукло, а бицепсы более выигрышно. Мазать свою кожу блестящим маслом. Позволять косметологу подправлять недостатки кожи.

Это невозможно.

— Вы так выросли.

— Наверно, — я резко отвела глаза. Надо же, а в пятнадцать смело смотрела ему в лицо и говорила гадости. А сейчас бы уже не смогла. Хотя, что тут странного — я же выросла. В пятнадцать лет я верила, что не такая, как все и не стану убогим продолжением своих родителей, что я вырвусь из системы хладнокровных на настоящую свободу.

А теперь — не верила.

— Мне хотелось поздравить вас еще раз. Сегодня праздник, который вы, наверняка, давно ждали. Сегодня вы стали совсем взрослой, — говорил Томирис. Банальные слова, банальные поздравления. В течении целого мгновенья мне хотелось сообщить ему все, что я думаю о приеме и обо всех окружающих гостях, включая его самого, но вот несчастье — мне уже не пятнадцать.

Я хорошо помню, что они опытней и сильнее, точнее, изощренней, следовательно, найдут способ наказать заслушание.

Поэтому я просто отвернулась.

По залу кружили пары, я разглядела маму с Фостером Глумом и Зорму с кузеном — не тем, кому я признавалась в любви, а другим — уже несколько лет как женатом на толстушке, которая всегда одевалась в фиолетовое.

— Инжу, посмотрите на меня.

Уже снова командует! Но я посмотрела, мне не жалко. Да и смысл сейчас идти на конфликт?

— Вам не нравится вечер?

— Ну что вы, очень нравится.

Он помолчал.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я чувствую, что вы обманываете.

Он что чувствует? Я уже безо всяких просьб посмотрела на него внимательней. Говорили, он ворует на улицах девушек, которые ему нравятся, и увозит к себе. Вряд ли правда. Зачем ему так делать, ведь за ним наверняка и так пойдут, и заставлять никого не придется. Небось, пока я тут годами в этом поясе мучаюсь, как проклятая, он времени даром не терял! Наверняка в его постели перебивал не один десяток любительниц острых ощущений! Кстати, о чем там речь?

Щеки вспыхнули от злости и я привычно посмотрела в сторону. Ненадолго — Томирис притягивал мой взгляд почти против воли.

— Инжу, почему ты еще здесь? — за спиной послышался недовольный папин голос. — Хайде, мы же обо всем договорились, почему сегодня вы с ней?

— Прошу прощения, — Томирис, кажется, кивнул. А может, нет, уж слишком он рассеян. Вокруг глаз — тени, подбородок тщательно выбрит, но у скулы, возле самой шеи — крошечный пропущенный участок небритой кожи. Интересно, а какой...

Я резко отвернулась.

— Я готова, папа.

— Тогда потанцуем. Все остальное — завтра.

Завтра — так завтра. Нужно просто переждать этот жуткий вечер, как переживают визит к стоматологу — ты можешь сколько угодно бояться неизвестности, но в общих чертах твое будущее тебе известно.

Так и мне не избежать судьбы всех высокородных невест класса хладнокровных — семья, наследники, полная свобода и не менее полное одиночество.

Вечер длился почти до утра и вымотал меня совершенно. Я была вынуждена танцевать со всеми, кого приводил отец и, честно, к концу я даже радовалась, что мне не составили списка женихов — стоит представить, что пришлось бы еще танцевать хотя бы по разу еще и с ними, как внутри холодеет.

Падая на кровать, я заснула, кажется, уже на лету.

Мне снился высокий силуэт, который прячется в каждой нише огромной гостиной, украшенной гирляндами приторно пахнущих цветов, и из каждой ниши смотрит на меня своими неподвижными, ничего не выражающими глазами, смотрит пристально, не выпуская из своего поля зрения ни на миг.

И я не могу понять, чего он хочет.

Разбудила меня горничная. Не сразу удалось вникнуть в суть вопроса, по какому поводу такая ранняя побудка. Несмотря на то, что слуги нам вроде как служат, большинство из них считает, что они делают нам одолжение. Вероятно, это последствия появления целых династий, состоящих из нескольких поколений слуг, которые рождаются и умирают наравне со своими хозяевами. Кроме того, они всегда в курсе всего происходящего и наблюдают за жизнью хозяев, как за сериалом — с огромным интересом. И любят поучаствовать. Вот и сейчас, горничная поведала не только о том, что мне необходимо немедленно подниматься и приводить себя в порядок, потому что так желает мой отец. Еще она по секрету прибавила, что знает, по какой причине понадобилось мое немедленное появление. Оказывает, призналась она шепотом под огромным секретом, получив с десятка клятвенных заверений, что я никому-никому никогда и ни за что не расскажу о ее болтовне — оказывается, ко мне

явился жених.

Я нахмурилась. Почему мне не выдали никакого списка? Неужели потому что решили выдать за кого-то определенного? Неужели даже не предоставят нескольких кандидатов, ведь это возможность выбрать хотя бы такого, чтоб при встрече на него не выворачивало. Неужели и этого выбора лишат? И все за то мое детское поведение, которое никак не хотят простить?

— Отчего хозяйка хмурится? — удивлялась горничная, робко улыбалась в качестве поддержки. — Ведь это хорошо! Это значит, что вы выйдете замуж! У вас будет свой дом! Свои драгоценности! Свой экипаж!

Глупая горничная. Думает только о деньгах, понятное дело, ведь даже вкалывая поколениями, слуги не могут позволить себе такой дом, как у нас. Зато их практически никогда не принуждают к браку с кем попало из чисто практических соображений.

— Я даже не знаю, кто он.

— Какая разница! — она тут же бросилась помогать мне надевать платье. — Сейчас я все застегну и расправлю. Сейчас я вас расчешу и заколю волосы так, чтобы открыть шею! Вы будете самой прекрасной невестой, и ваш жених, как только вас увидит, сидеть не сможет от желания. Он вас полюбит!

— Мне хотелось бы любить самой, — негромко призналась я, пока горничная дергала мои волосы расческой. — А если ничего не случится? Если он меня не полюбит?

— Найдете другого, кто вас полюбит, — легко ответила она, ловко закручивая волосы в жгут. — Вы будете богаты, так что сможете найти себе кавалера на любой вкус. Просто его купить!

— Я так не хочу. Я хочу настоящую семью и любовь.

Она пожала плечами:

— Так не бывает. Всегда приходится выбирать, моя милая, или деньги, или любовь. Уж вам-то ли не знать.

Последняя заколка с голубым камнем угнездилась в локонах простой прически. Я обернулась к ней.

— Ты бы поменялась со мной местами? Если бы могла?

— Да еще как! — вскрикнула она, взмахнув расческой.

— И я бы поменялась с тобой!

Горничная тут же поскуцнела.

— Не говорите ерунды. Вставайте, платье поправлю. Вот так, все хорошо.

Я, наконец, вырвалась из ее услужливых рук и скомкано поблагодарив, направилась к двери. Отец с предполагаемым женихом (если слуги ничего не перепутали) ждали в голубой гостиной.

— Подождите! — крикнула горничная мне вслед. — Ваша матушка просила не уходить без нее, а обязательно дождаться её в комнате!

Я сделала вид, что не слышу. Мне не подготовили списка. Ни разу за последнее время не намекнули, почему даже Валисса его получила, хотя ей почти год до совершеннолетия, а меня его лишили. Что они задумали?

Каблуки гулко стучали по полу. Мимо проносились двери, картины, украшающие стены большого коридора, слуги, начинающие утреннюю уборку. В окна светило желтое послеобеденное солнце.

Возле голубой гостиной никого не было. Тяжелая дверная ручка на ощупь совсем

холодная и какая-то скользкая. Почему ее так тяжело тянуть на себя? Зачем тут на моем пути возникла эта массивная дверь?

Наверное, стоило постучать.

Боже, какие мелочи лезут в голову, когда между мною и тем, что мне приготовили родители, всего кусок дерева, пусть и покрытого изящной выпуклой резьбой.

Вот так... Дверь поддалась и поползла в сторону. Через секунду я зашла в комнату.

Отец стоял у бара, наливая в бокал для виски что-то золотистое и по одежде было видно, что он тоже собирался впопыхах, как если бы гость явился неожиданно и пришлось вскакивать с кровати.

А вот в центре комнаты, в круге кресел... мне кажется?

Он стремительно поднялся, но как-то аккуратно, будто старался не делать резких движений. Каким-то неосознанным движением поправил лацкан сюртука, плотно прилегающего к телу и подчеркивающего каждое его движение. Опустил руку вниз.

И он молчал.

— Что это значит? — спросила я.

Отец довел жидкость в бокале до трети объема и поставил графин на место.

— Что именно? — сухо поинтересовался он и опрокинул содержимое бокала себе в горло. Спокойно отставил пустой бокал в сторону.

— Я хочу поговорить с ней наедине, — Томирис снова потянулся к лацкану, но посмотрел вниз и отдернул руку. Потом спрятал ее за спину движением, к которому я успела привыкнуть, несмотря на наш короткий срок знакомства.

— Расскажешь Инжу о её матери? — спросил отец.

— Конечно.

Меня начало слегка трясти. Кстати, неплохая идея — убирать руки за спину. По крайней мере, так никто не увидит, что они у тебя дрожат.

Отец кивнул, пряча от меня глаза и пошел к двери. Нет, руки за спину я убирать не буду, получится слишком похоже на стоящего напротив человека, но еще их можно спрятать в пышную юбку платья и прижать к ткани, которая тоже скроет все лишнее.

Почему он так смотрит? Так тяжело отвернуться...

— Доброе утро, Инжу, присядь, пожалуйста.

Итак, теперь он мне снова тыкает. Как мило. А вчера соловьем заливался, все вы, да вы.

Идея сесть, кстати, мне очень нравится. По крайней мере, ноги не подкосятся от новостей. Что за намеки такие про мою маму?

Томирис осторожно сел напротив, а потом снова вскочил и отошел за спинку кушетки, словно поставил между нами преграду.

— Я вас слушаю, — сообщила я, радуясь, что голос не сорвался.

— Инжу... Сейчас тебе предстоит многое узнать и я хочу попросить только об одном — не делай поспешных выводов. Не руби сгоряча, пусть это не просто, но исполни мою просьбу — подумай хотя бы до вечера, прежде чем ответить. Ты обещаешь?

— Да.

Сейчас я готова обещать, что угодно, лишь бы услышать то, что мне собираются рассказать.

— Эта история началась еще до твоего рождения. Когда твои родители решили сыграть свадьбу, все было как обычно... Кроме одного из подарков. Дело в том, что в день свадебного приема к ним на торжество явилась Таука и преподнесла свой собственный дар,

подвластный ей одной — предсказание. Последнее для нее предсказание.

— Таука-провидица? — уточнила я, хотя о других людях с таким именем я не слышала.

— Да, именно она.

— Разве Таука предсказывала кому-то, кроме тандров?

Томирис неожиданно покачнулся и оперся бедром о кушетку, которую оставил между нами. Чего он боится? Одну руку он все так же держал за спиной, а второй схватился за обивку.

— Она предсказывала только тандрам.

— Что это значит?

Томирис поднял на меня глаза, серьезные и блестящие, как вода озера, отражающего ночное небо.

— Ты сама знаешь.

- Это значит, что я... что во мне...

— Твоя мать носит в себе кровь тандров.

Черт возьми.

Голова сама собой поникла. На самом деле нет ничего катастрофического в том, что ты тандр, но я понимаю, почему мама ото всех скрывала. Они немного отличаются от людей — благодаря какой-то мутации иногда тандры, особенно мужского пола, впадают в бешенство и сходят с ума. Никто не знает, отчего это случается, поэтому остерегаются лишней раз оставаться рядом — неизвестно, когда его петух в задницу клюнет. Из-за этого они всегда немного отщепенцы, но при этом занимают все агрессивные высокопоставленные должности. С ними не рискуют связываться, им не рискуют лишней раз говорить: «нет». Их часто боятся. А кому приятно быть красной тряпкой в стаде быков?

— Это не так уж важно, — продолжил Томирис, крепче цепляясь за кушетку. — Важно само предсказание. Как ни странно, оно касалось не только твоих родителей, но и меня.

Боже, как же страшно...

— Она сказала, что у них родится дочь, которая станет моей любимой. Моей женой. Моей парой — моей карасой.

Я закрыла глаза. Его голос был шершавым и ласковым одновременно. Как это возможно?

— К тому времени я уже не верил, что такое возможно. Что я, наконец, буду не один. Первый раз я увидел тебя, когда тебе исполнилось два года — и сразу убедился в правдивости предсказания Тауки. Она поведала, что мы проживем вместе много лет, и что мы будем так счастливы, как мало кому выпадает на этом свете. «Вы так гармоничны, что звучите громче движения светил», — сказала она тогда и рассмеялась.

То, что он говорит — об этом невозможно думать. Я сейчас не могу об этом думать! Гладкий материал платья скользил даже между моими судорожно сжатыми пальцами, оставляя какое-то склизкое и неприятное ощущение на кончиках пальцев.

— Сейчас твои вещи соберут и ты переедешь в мой дом. Послезавтра мы поженимся. Все уже решено, у твоего отца нет причин отказывать моему предложению, и не было бы, даже отсутствуй предсказание. А моему предложению уже почти два десятилетия, так что я намного опередил всех своих конкурентов... И я верю Тауке. И мне хотелось бы, чтобы ты поверила ей тоже. Или хотя бы не отказывайся прямо сейчас. Ничего сейчас не говори, слышишь? Я обещаю тебе, ты будешь счастлива, потому что я наблюдал, как ты растешь и каждую секунду убеждался, что ты моя караса... Просто допусти вероятность, что это

возможно, пусть вероятность мизерная. Но просто допусти на миг, что предсказание может быть правдой.

Как хорошо, что он не ждет от меня ответа. Шевелить языком, как и любой другой частью онемевшего тела я сейчас не смогу даже под страхом нищеты.

Только почему у него такой несчастный голос? Неужели всегда происходит так? Неужели каждая из невест по достижению совершеннолетия вынуждена слушать предложение, сделанное таким голосом, будто жениха ведут не к алтарю, а на заклатие?

И еще одно.

Несколько лет, проведенных в оковах ненавистного мне пояса...

Я открыла глаза и заставила себя двигаться. Руки с обманчивым спокойствием легли на колени.

— Томирис, а ты сам этого хочешь? — с кривой улыбочкой, так бесившей моих родителей, спросила я. — Или предсказание обязывает сделать мне предложение?

Он не стал отводить глаз. А я — не смогла.

— Ты даже не представляешь, как сильно я этого хочу.

Вот теперь его голос звучал совсем по-другому. Раньше он, казалось, просил, а теперь под стать моему — измывался. Только вот над кем?

— Ты очень молода, Инжу, несмотря на то, что вчера достигла совершеннолетия. Боюсь, ты не сможешь понять, как долго я тебя ждал.

Щеки сами собой загорелись.

— Я почти двадцать лет ждал одной только возможности смотреть на тебя, не опасаясь за твою репутацию!

Да уж, теперь он смотрел. От его взгляда было жарко и я не знала, чего мне хочется больше — закрыться от него чем-нибудь плотным или наоборот, сбросить платье на пол и оголить кожу.

Я много раз представляла, что на меня смотрит любимый человек, но ни разу не ощущала ничего подобного. Сколько раз я видела себя в зеркале? Не сосчитать. Но ни разу я не замечала в своем отражении чего-нибудь, способного вызвать такой результат. Такой взгляд.

Я редко сталкивалась с мужчинами. Не с молодыми ребятами, чьи глаза горят весельем и восторгом, а именно с такими, как Томирис — в чьих глазах тайное обещание чего-то, от чего перехватывает дух.

Он смотрит так откровенно...

Но неужели я позволю себя смутить? Неужели позволю себе так просто сдаться, забыть про годы ненависти и страха? Есть еще одно маленькое но — там, под платьем, на мне все еще замкнута тонкая цепь с крошечным, но таким неприятным устройством. Она на мне много лет. Много бесконечных чертовых дней! И будь я проклята, если никто за это не ответит!

Я встала и быстро пошла к Томирису. Пришлось обойти кушетку, стоявшую на пути. Он не стал отходить, а жадно следил за мной и мне даже казалось, ему тяжело дышать, будто в комнате не хватает воздуха.

Забыть про то, что на моем поясе? Хм...

Я подошла вплотную и навалилась на него грудью, пристально смотря в глаза. Почему он так напряжен? Что он ищет на моем лице? Чего ждет? Там что, надпись должна высветиться, вроде «личная собственность семьи Хайде»?

Я навалилась сильнее и Томирис вынул-таки руку из-за спины, переместив на мою талию. Но на объятие это не походило, скорее, он сделал так, чтобы я не упала.

Тогда я отпрянула и, не успев подумать, что делаю, принялась расшнуровывать корсаж. Для моей цели мне нужно было просто расслабить шнуровку, чтобы задрать блузку и оголить живот, потому что платье сегодня на мне, к несчастью, с высоким воротом, а задрать юбку кажется нецелесообразным. Всего-то минута времени, хотя сложно не обращать внимание на его слегка растерянный взгляд.

Надо отдать Томирису должное, он молчал, ни единого вопроса и ни единого комментария в мою сторону. Ни единой попытки помешать, остановить мой всплеск буйного исступления.

Я задрала блузку и схватила его за руку. Вначале казалось, ее невозможно подвинуть, а потом она поддалась и двинулась вслед за моей.

— Хочу, чтобы ты ко мне прикоснулся, — с усмешкой сказала я и приготовилась получить отказ. Не враг же он сам себе?

Но он позволил мне тянуть его руку к своему животу. И главное, на его лице не было ничего кроме растерянности и этой жадной тоски...

Хороший актер? Ну, посмотрим!

Мне не было его жаль. Сделав последний рывок, я со всей силы прижала его руку к своему животу. Кожа приникла к коже, из груди будто выбило воздух...

А потом он закричал.

Одна из свадебных примет гласит, что молодожены будут счастливы, если в день их бракосочетания пойдет дождь, а еще лучше — ливень. Ну а град обещает просто райскую жизнь уже на земле.

На ближайшую неделю прогнозирована сухая жара.

Интересно, откуда берутся приметы и насколько они правдивы? Некоторые считают, дело просто в вере, мол, если веришь, то будешь стараться, будешь уверенно двигаться к цели и вполне предсказуемо, добьешься цели с помощью собственных усилий.

Но иногда хочется, чтобы окружающий мир немного тебе помог и показал — да, все будет хорошо, не сомневайся, не бойся, просто иди вперед.

Мне этого тоже хотелось.

Из окон гостиной открывался прекрасный вид на парк, но я стояла тут совсем не потому, что мне вдруг приспичило любоваться окрестностями. Не знаю, почему на моих глазах слезы, но показывать их ему я не собираюсь.

Вспомнив крик Томириса, я снова вздрогнула и наклонилась вперед, сдерживая тошноту. Я не думала, что будет настолько плохо. Первый кавалер всего лишь сунул руку в вырез моего платья и получил импульс такой силы, как если бы его ударило током.

Второй был смелее и полез пальцем под кромку трусиков. Его свалило на пол. Ну а потом я, конечно же, перестала экспериментировать, потому что не хотела, чтобы из-за меня кто-нибудь покалечился. Весь мой опыт общения с мужским полом ограничивается примерно шестью месяцами, включая несколько десятков поцелуев и два прикосновения, о которых не хочется вспоминать.

Но сейчас я вспоминала. Никто из них не кричал так... как кричал он.

Я смогла отойти от Томириса, только когда убедилась, что он дышит. Да что там, я даже приложила ухо к его груди и убедилась, что его сердце бьется! Как же я испугалась...

Нет, я не буду оборачиваться, но судя по звукам, он поднялся с пола и пытается сесть.

Почему у меня такие мокрые щеки? Не замечала в себе такой плаксивости, а слезы все капают и капают на платье, щекоча подбородок.

— За что ты меня так ненавидишь?

Я сглотнула. Он говорит, значит, никаких серьезных повреждений не получил. Насколько я знаю, пояса предназначены не калечить, а просто отбивать желание близости. Да уж... в этот раз, похоже, отбило на ура.

Месть удалась?

Но почему у него тогда был такой вид, будто он не ожидал?!

— Я знал, конечно, что всё предсказанное не может быть правдой, уж слишком хорошо звучит, — судя по звукам, он упрямо поднимался на ноги. — Не может быть, чтобы все было так сказочно, как она утверждала! Но, понимаешь ли, мне неважно, как ты ко мне относишься, я счастлив тем, что теперь ты будешь моей по всем пунктам. Но все равно мне хотелось бы, чтобы и ты была счастлива. Чтобы я тебе хотя бы немного нравился. Почему ты не даешь мне шанса? За что столько ненависти? — его голос стал сильнее. — Зачем ты это сделала?

Про мокрые щеки я забыла. Какая ирония — столько лет хотеть любви, и мне ее предлагают, да еще так, что сердце кровью обливается.

Но кто предлагает? Человек, который кроил мою жизнь на свое собственное усмотрение?

— Смотри на меня! — негромко сказала я, но так, что не узнала своего голоса.

Да, он действительно смог сесть краешек кресла и теперь покачивался, упираясь ладонями в колени. Его губы были крепко сжаты, наверное, боль еще не ушла окончательно.

— Смотри на меня, Хайде!

Его глаза тоже блестели, но я плохо различала сквозь слезы.

— На мне пояс верности!

Я задрала подбородок, смотря сверху вниз. Ну, как тебе это нравится?

— Я уже понял. Прочувствовал, так сказать, на своей шкуре. Надо же, а вначале я подумал, что произвел на тебя такое неизгладимое впечатление, что ты просто не устояла перед желанием овладеть мною немедленно. А причина, оказывается, так банальна!

Чтобы произнести такую длинную речь ему пришлось остановиться на половине и перевести дух. Потрясающе, у него еще хватает сил ерничать? Поверила бы, если бы не такое бледное лицо.

— Так почему он на тебе? — вызывающим тоном спросил Томирис, блестя большими глазами.

— Почему? Ты еще спрашиваешь, почему? — тут же окрысилась я.

— Да, я спрашиваю.

— Потому что после последней нашей встречи перед твоим отъездом на меня его одели! С тех мы с ним как родные! Помнишь мои слова? Мои угрозы? Мне было всего пятнадцать! Неужели нельзя было найти другого выхода?!

Я прямо ощущала, как мои руки жаждут впитаться в чью-нибудь шею. Подумав немного, я убрала их за спину и крепко сцепила в замок.

Ну? И где оправдания? Где хоть какое-то доказательство того, что ему жаль? Почему он сидит как истукан и не реагирует?

— Ты поэтому меня ненавидишь?

Нашел время делать выводы, лучше бы прощения просил!

— Инжу, — в его глазах загорелось что-то легкое и трепетное. — Ты поэтому так злишься, да? Поэтому меня... так со мной поступила? Ты думаешь, я виноват в том, что на тебе этот пояс? Инжу, ты моя караса, я никогда бы так с тобой не поступил. Я еще разберусь, как он на тебе оказался, но я впервые об этом слышу.

— Не ври мне!

— Я не вру.

Интересно, кто кого переглядит? Но мама дорогая, он же ни секунды не колебался, когда ко мне прикасался. Если бы он знал, что его ждет... Нет, он точно знал! Он не мог не знать.

— Я не вру, — упрямо повторил Томирис, не отпуская моего взгляда.

Силы разом покинули мое тело, заструились по бокам и ушли в землю.

Он не врал.

И конечно, очень вовремя загромыхало в коридоре и в гостиную ворвались родители.

— Инжу, я просила тебя оставаться в комнате! Ты должна была слушаться! Ты почему меня не дождалась? — частила мама. А потом, быстро окинув нас взглядом, увидела сразу все — и корсет, который я плохо затянула, и растрепанную юбку, и мокрые от слез щеки.

И сидящего Томириса, который опирался на собственные руки, чтобы не свалится кулем на пол и тяжело дышал, как после пробежки.

— Что тут произошло? — строгим голосом спросил папа и свысока посмотрел на Томириса. — Я требую ответа!

Томирис тем временем глубоко вдохнул, слегка поморщился и посмотрел на мою мать.

— Сударыня, прикажите немедленно собирать вещи Инжу. Она уезжает со мной. И никаких возражений! — он перевел взгляд на отца и потом случилось неожиданное — Томирис упрямо нахмурился и встал. Выпрямился и быстро заложил руку за спину, как будто пытаясь сохранить равновесие. — А с вами нам нужно поговорить. Пойдемте.

Как будто за последние полчаса с ним не случилось ничего страшного. Как будто он не лежал на ковре, закатив глаза, как будто он не терял сознание, а потом не учился заново управлять частями своего тела.

— Моя дочь не давала согласия с вами ехать, — сухо сообщил отец, даже не смотря в мою сторону. — Пора прекращать весь этот фарс! Какое кому дело, что наговорила эта сбрендившая старуха перед смертью? У нее уже был старческий маразм!

— Не смейте так о ней говорить! — повысил голос Томирис. — Она предсказала более двадцати союзов и каждый из них в точности соответствовал предсказанному.

— Может быть, раньше! Но к моменту нашей свадьбы она уже несколько лет ничего не предсказывала! Да она еле-еле слова подбирала, когда в тот раз...

— Не смейте так говорить, — повторил еще раз Томирис сквозь зубы и отец немедленно замолчал. Даже я видела, что Томирису почему-то больно это все слушать. Или только я видела?

— Она никуда с вами не пойдет, — подала голос мама из-за папиной спины.

Томирис быстро взглянул на меня и отвел взгляд. Впервые на его лице промелькнула неуверенность.

Отец победоносно усмехнулся. Чтобы ни наболтала пророчица, насильно меня из родного дома не увезут. У нас ведь никого не принуждают... силой, просто очень подробно и много убеждают в необходимости выполнить свой долг — выйти замуж за того, кого

выбрали родители. Приучают к этой мысли с рождения. Но если родители не настаивают — никто не заставит, таков закон.

— Инжу, иди сюда! — сказал папа таким непреклонным тоном, будто я в песочнице и пора идти кушать суп и спать. — Не упрямясь. Тебе не нужно слушать про Тауку с ее байками, ты и без этого слишком нервная. Она была стара, пойми. Оставим ее в прошлом, она давно мертва! Иди ко мне, милая, и все будет хорошо.

— Мы найдем тебе хорошего мужа, — подключилась мама. — Завтра же будет готов список с лучшими кандидатами сезона! Я лично за ним поеду! У тебя будет полгода, чтобы выбрать из них одного себе по душе! Они все воспитаны в лучших традициях хладнокровных! Ваши дети будут нормальными! Зачем тебе тандр? Без него тебе будет лучше, без него ты сможешь создать совершенно нормальную семью... как у нас... как у окружающих... как принято у хладнокровных!

Ох, что-то воздуху не хватает.

Отец скрестил взгляд с Томирисом и неприятно улыбался. Он был уверен в победе. Конечно, его можно понять, кто добровольно захочет отдать дочь существу, которое однажды может превратиться в зверя и вырвать твоей дочери глотку? И внуков еще мимоходом задавить.

— Милая, иди к маме, — гипнотизировала меня мама.

— Инжу, — Томирис на миг отвернулся от отца и посмотрел мне в глаза. — Поверь мне. Ты должна мне верить, прошу тебя! Я тебе не вру!

— Иди ко мне, — будто не слыша, повторяла мама.

В ее глазах было столько любви...

Каждая мать любит своих детей, даже от нелюбимого мужчины, ведь дети — это другое. Когда-нибудь и у меня будут дети. Я стану проводить с ними время и радоваться, что в моей жизни появилось хоть что-то стоящее. Муж будет показывать их друзьям на очередном приеме, забывая, как кого зовут, а потом отправит их спать, потому что в курилке его ждет очередная любовница, как принято у хладнокровных.

Воспитанные в лучших традициях молодые люди?

Я вздрогнула.

Я не буду на него смотреть.

В последний раз посмотрев на маму и тайно надеясь, что мой взгляд не очень дикий, я отвернулась и пошла к Томирису, а потом быстро спряталась ему за спину, потому что такого невысказанного осуждения со стороны родителей не исходило даже в тот день, который закончился появлением на моей талии пояса верности.

Я прижалась спиной к его спине, потому что иначе мне пришлось бы сползти на пол.

Что я только что сделала? Это же просто... просто...

Нет, уже не важно, зачем думать о том, что уже позади? По моей коже будто гуляет ветерок, ощущение которого пропадет, если я поступлю неверно, а я не хочу его лишиться, потому поступаю верно. Я только что сделала все правильно.

— И сударыня, — прибавил Томирис, который, судя по голосу, чему-то улыбался себе под нос. Спина, на которую я опиралась, поднималась, когда он дышал, но в остальном оставалась неподвижной, крепкой и надежной, как скала. — Не забудьте снять с нее это приспособление, ну... вы понимаете какое. Вы ведь забыли сделать это с утра? Теперь сделайте.

Отправились в дорогу мы, когда уже темнело. На подъездной дорожке ждала длинная, похожая на обтекаемую акулу машина той самой дорожной марки, которых на свете существует всего несколько десятков и которую может себе позволить далеко не каждый хладнокровный. Окна машины были закрыты кожаными шторками на распорках, которые первую часть дороги я училась открывать и закрывать. Хотя нет, просто игралась, что там учиться — нажимаешь кнопку или влево или вправо... и все.

Интересно, где живет Томирис? Всю дорогу мне хотелось бросить эту кнопку и на него посмотреть, но я таранилась в окно, потому что, во-первых, непонятно, чего теперь от него ждать, а во-вторых, надо же узнать дорогу к своему новому... хм, дому.

Как странно больше не ощущать на талии эту цепь. Мама молча сняла ее с меня, когда я переодевалась в дорожное платье. Она на меня обиделась, но уверена, это ненадолго. У нее много способов расслабиться и сбросить злость... Итак, я свободна. Столько лет прошло... я даже простила родителей, что ни один из них передо мной не извинился за то, что они столько лет продержали меня в поясе, даже когда необходимости уже не было. И за то, что мне не объяснили, чье это было решение. Томирис пытался выяснить, почему я первым делом подумала на него, но родители отказались говорить в моем обществе на эту тему, а с ним предпочитали вообще не разговаривать.

Неужели все уже в прошлом? На самом деле?

Я свободна... А если вспомнить, что это означает... Я быстро облизала губы. Все, о чем я думала перед балом, кажется такой глупостью!

Потом мы въехали на центральные улицы кварталов, где живут богатейшие представители среднего класса.

Посмотрите-ка, как ведут себя девушки на улицах! При виде темно-серой машины Томириса большинство из них чуть ли не под колеса прыгало, и каждая вторая выпячивала грудь и приоткрывала рот. Ничего себе! Да они же себя на самом деле предлагают!

Ну, просто слов нет...

А как Томирис на это реагирует?

Я обернулась так быстро, что чуть не уперлась в него носом. Оказалось, он куда ближе, чем мне казалось.

Я увидела его подбородок, уже не такой идеально выбритый, как днем, и губы. Интересно, они у него мягкие? Хотя нет, меня должно интересовать другое.

Его губы улыбались.

— И что, они всегда так себя ведут?

Он молча кивнул, но улыбаться не перестал, даже еще больше расплылся.

— Говорят, ты замечаешь на улицах красивых девушек, а потом приказываешь ловить и привозить их к тебе. Силой.

Он прекратил улыбаться.

— Про меня много чего говорят. Ты уже достаточно взрослая, чтобы понимать — не все слухи правдивы.

Я еще раз глянула в окно. Очередная девушка, стоящая на тротуаре выставила вперед ножку в тонком чулке и призывно приоткрыла губы.

Если бы ей дали возможность, она бы моментально пошла на штурм...

— Они не такие! Люди не такие.

Этого не могло быть! Я, конечно, знала, что многих девушек интересует только обертка, но не настолько же! Сегодня столько потрясений. Во мне кровь тандров. Меня забрал

Томирис. Пояса нет. А на улице — красавицы, которые легко бы меня сделали при сравнении, исключая это хищное бесстыдное выражение глаз — они себя предлагали. Даже не знали толком, кто в машине едет, какого пола, возраста и сложения, но уже предлагали. Им было все равно.

— Люди не такие, — не веря своим глазам, повторила я. — Не может быть.

Томирис обнял меня за плечи, но не стал тянуть к себе.

— Инжу, не волнуйся так. Конечно, люди не такие. Вернее, не все такие. Нормальных больше.

Не знаю, почему я так разволновалась. Оказывается, в голове от изумления и шока гудело, но его спокойный голос действовал как масло, которое успокаивает кипящую воду.

Мы ехали дальше и понемногу стало понятно, что далеко не все ведут себя так... в смысле, предлагают. Многие девушки вообще не обращали на нас внимания. Многие смотрели только на машину, не заглядывая сквозь окна в попытке разглядеть, кто внутри. Просто люди разные...

— Ты просто сегодня очень перенервничала. Но не нужно волноваться, все уже хорошо...

У него такой голос расслабляющий. Мне нравится, когда в нем улыбка. Когда нет горечи и страха, только уверенность в том, что все идет правильно. Все уже хорошо.

— Мы скоро приедем домой. Ты отдохнешь, а когда проснешься, все станет не таким ярким. Не будет такой острой реакции на в принципе совершенно неважные вещи.

— Ты говоришь со мной, как с ребенком, — капризно возмутилась я.

Он глубоко вздохнул.

Проследив за очередной девицей, я протянула руку и закрыла окно окончательно.

— Не похоже, что тут кого-то нужно тащить в твой дом силой.

Ну что теперь скажешь? Наверное, частенько пользовался тем, как легко ложатся под колеса (и не только) все эти встречные торговки собственным телом.

— Ты же на самом деле не думаешь, что мне все это нравится? — с сомнением спросил он, хмуря брови.

— Думаю, нравится.

— Инжу, — он как-то двойственно улыбнулся — одновременно с досадой и удовольствием. — Это не так.

— Тогда мог бы выбрать другую модель машины и проблемы бы не было!

Что, съел?

Он снова посмотрел на меня, как на ребенка. Снисходительно, но с такой сияющей улыбкой!

— Инжу, я ее не выбирал. Просто положение обязывает. Я должен ездить на машине, внушающей уважение и трепет. Должен жить в огромном собственном доме, окруженном высоким забором с новейшей системой защиты, хотя предпочел бы небольшую квартиру в общем доме поближе к работе.

Упс, а я и забыла, кто передо мной. Он целый день вел себя, как обычный человек. Его лицо было живым, он мне много улыбался, лично проверил, чтобы все вещи увезли и не торопился, когда я, стоя на пороге, в последний раз осматривала высокий холл дома, где провела всю жизнь.

Он был таким заботливым, говорил так честно, и я была уверена, что сегодня он ни разу мне не солгал. Но вряд ли он ведет себя так же мирно, когда выполняет свои рабочие

обязанности.

Я ведь ничего о нем не знаю...

А слухи... Что слухи? Не бывает дыма без огня.

Рука сама собой потянулась к кнопке.

Томирис остановил ее, накрыв ладонью.

— Не надо так, Инжу, — негромко сказал за моей спиной. — Не бойся меня. Только не ты.

Мой палец лежал на кнопке под тяжестью его руки, но так на нее и не нажал. Вообще не шевелился, не пытался освободиться — и совсем не потому, что я его боялась.

Комната, которую мне выделили, оказалась выше всяких похвал. Даже сейчас, в темноте, я чувствовала себя так спокойно, будто прожила здесь много лет.

Все вокруг было таким привычным и правильным. Цвета, формы, предметы... Когда я принимала ванну, то нашла там свой любимый шампунь, зубную щетку нужной марки и еще стаканчик с длинными ирисками, которые я люблю жевать, когда принимаю душ. И еще люблю петь, так что плотная дверца душа оказалась очень кстати.

Как будто кто-то знал мои вкусы назубок.

За окном шумел ветер.

Скоро рассвет, а уснуть никак не удавалось. Усталость была такой дикой, что не получалось даже пошевелиться, но сон не шел.

Дом, как и говорил Томирис, оказался огромным и пустым. Не в смысле мебели, ее как раз имелось предостаточно, а в смысле людей. Слуг было не так много, но Томирис обещал, что завтра придут еще и их станет столько, сколько мне понадобится.

Мы приехали уже в темноте, поэтому Томирис представил мне только главу охраны и домоправительницу, а остальных я не видела. В комнату доставили мой дорожный чемодан, а вещи разберут сегодня.

Вчера, стоило только войти, первым делом мой взгляд невольно притянулся к камину, над которым что-то пестрело, в отличие от остальных однотонных поверхностей.

На каминной полке стояли фотографии. Мои фотографии в рамках разной формы и размера: окруженные серебряным цветочным орнаментом, в строгом прямоугольнике из белого мрамора, в дереве с ярко выраженным извилистым рисунком волокон. Вот мне три года — передо мной трехъярусный торт. Выпускной, мне вручают диплом об окончании школы. Вот я на пороге дома, фотограф поймал меня на выходе, когда я убегала к Куль, и настоял на необходимости сделать снимок. Это было две недели назад...

Даже у меня не было такого количества моих фотографий.

Все завтра.

Оторвавшись от камина и тщательно осмотрев под пристальным взглядом Томириса свое новое пристанище, я остановилась посреди комнаты, не зная, что еще делать. Хотелось снять неудобное платье и отдохнуть.

— Можно, я останусь одна?

— Конечно, все что пожелаешь. Хочешь, чтобы ужин подали сюда?

— Пусть принесут только чай. Не хочу есть.

— Уверена? — он сомневался. В доме родителей мы только слегка перекусили в обед.

Хм, это интересно.

— Не хочу есть, — настойчивей повторила я и затаилась в ожидании.

— Ладно.

А теперь посчитаем... Раз... два... три... Он колебался целых три секунды перед тем, как развернуться и выйти.

Глаза слипаются, а сна все нет. Подушка так приятно пахнет, как раз, как мне нравится — не очень сильно, а еле слышно, травой и полевыми цветами.

И одеяло такое, как я люблю — пушистое и при этом не тяжелое и не душное. Как будто лежишь в огромном облаке, но ничего сверху не давит. Это похоже на целую тарелку взбитых сливок — гигантская куча удовольствия, но такого воздушного, что не откладывается на попе.

Правда, немного чего-то не хватает, но это такая мелочь...

Конечно, я заснула, не знаю, когда точно, но еще не светало. И спала бы, наверное, до самого вечера, а после поела бы и спала бы дальше!

Но конечно, позволить себе спать, когда впереди ждет ключевой пункт жизни — свадьба, не каждому позволено, даже если ты хладнокровный. В комнате появилась горничная, весело щебеча о том, какой нынче чудесный день. А завтрашний, день свадьбы, ненавязчиво напомнила она мне (как будто я могу забыть!), так вообще лучший в сезоне, и вспоминать его на светских приемах будут еще долго.

Эта девушка так мало отличалась от той, с которой я болтала вчерашним утром, что накатило дежавю. Неужели только вчера я просыпалась дома?

— Желаете завтрак сюда? — поинтересовалась горничная, убедившись, что меня разбудила, платье мое готово, окна открыты, а складки на отодвинутых шторах расправлены.

Вчера Томирис упоминал, что утром уедет по делам и прибудет только к вечеру. Мне, кстати, никто не сказал, чем я должна в это время заниматься.

— Да, подавай сюда.

Пока она ходила за подносом, я оделась и пошла к окну.

Так... Ну вот, опять не смотрела под ноги и как обычно ударилась коленом об кресло. Откуда оно тут? Я недоуменно остановилась, смотря на кресло, которого вчера тут явно не было. У меня очень хорошая трехмерная память, и раньше оно стояло гораздо левее, у самой стены.

Как будто кто-то его переставил. Неужели я не заметила, как горничная с утра двигала мебель? Абсурд какой-то. Наверное, все-таки я ошиблась, что немудрено в малознакомом месте, пусть тут даже все кажется таким привычным.

Позавтракав, я решила обзвонить подруг и сообщить новости. Должны же у меня быть развлечения? Стоит только представить, что сейчас будет, как живот сжимался от еле сдерживаемого хохота.

— Инжу? — несмотря на рань, Зорма уже выглядела, как будто вот-вот выедет на бал — тщательно подобранное платье и полный макияж. — Привет. Ну, ты как?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Потом она рассмотрела позади моей спины незнакомую комнату и ее брови слегка приподнялись.

— А где ты?

— Угадай.

Глаза заблестели.

— Ну... дай подумать. Вы поехали в гости? Но когда? Сразу после приема?!

Нет, ей ни за что не угадать. Я еле сдержала смешок.

— Ладно, — она сдалась быстро. — Говори, где ты!

— Я в доме Томириса Хайде.

Забавно у нее челюсть отваливается. Не помню, чтобы я видела нечто подобное раньше.

— Что ты там делаешь?

— Завтра я выхожу за него замуж.

Ну вот, лучше было, когда она удивлялась, а не пугалась, как сейчас.

— Инжу...

— Почему ты так побледнела? Разве похоже, что я против?

— А у тебя был выбор?

Мы обе знали, что выбора нам не положено. Ну, относительно, разве что из предложенных вариантов и то, если родители пожалеют.

— Скорее да, чем нет, — усмехнулась я. Как знать, был ли у меня выбор? Или все решено заранее, как утверждает пророчица?

Зорма быстро пришла в себя и с удовольствием следила, как я сообщаю новость Куль и Валиссе. Всех я пригласила на бракосочетание, которое состоится завтра в обед. После обряда планировался большой бал, который организовали без меня. Многих невест это бы взволновало — сколько помню рассуждения подруг, они все желали самостоятельно распланировать свое бракосочетание на свой собственный вкус и чтобы никто не лез и не мешал. Большинство убивало на подготовку к свадьбе по нескольку месяцев. Но мое предчувствие утверждает, что мне все понравится. Если без меня ТАК обустроили мою комнату, то и организацию моей свадьбы осилят без труда.

К тому же, похоже, Томирис планировал ее сколько времени? Два десятка лет? Вполне достаточный срок...

Конечно, они все согласились прийти. К концу разговора, через час, я, к счастью, больше не замечала в их глазах страха и жалости, только взбудораженный интерес. Скоро они тоже пройдут через свою свадьбу и еще неизвестно, с кем.

Неужели совсем недавно я так же сильно боялась одного упоминания о Хайде?

Неужели так же быстро изменила свое мнение, познакомившись с ним лично? Еще раз...

День прошел незаметно. Я поговорила с мамой, которая явно на меня смертельно обиделась, но отказать в помощи не посмела. Мы говорили, как чужие и, наверное, ей так проще... Наверное, это единственный доступный ей способ убедить себя, что она хозяйка своей жизни, а кто против — пусть катится к черту! А я привыкну.

Примерила свадебное платье, которое сидело, как влитое.

Просмотрела список гостей и праздничных блюд, ни внеся ни единого изменения. Все мои подружки там уже числились, а еда вообще волновала меня в последнюю очередь.

В общем, бояться было некогда.

Томирис вернулся домой к ужину. Когда я спустилась, он уже сидел за столом и вскочил, стоило мне войти в столовую — огромную и пустую. Горели свечи в настольных подсвечниках, а потолочные люстры выключили, поэтому часть длинного стола, накрытая на двоих, казалась освященным пятном на темной сцене.

— Добрый вечер, Инжу. Как прошел твой день?

Да уж, если он станет мне так кланяться каждый вечер, то это как-то не по-семейному. Или наоборот, такие реверансы в порядке вещей, ведь откуда мне знать, как принято по-семейному? Дома видела? Мои родители практически никогда не садились за стол вместе,

разве что когда гости приходили, да и то предпочитали общаться с соседями.

— Спасибо, хорошо. А у тебя?

Может, я тихо спросила? Почему он замер?

— У меня?

— Да. А у тебя как день прошел?

Он, наконец, отморозился, сел на стул и улыбнулся.

— С какой-то стороны, как обычно. Но я постоянно помнил, что дома ты.

— Ясно.

М-да, неловкий момент. Так, к счастью, у нас тут есть чем отвлечься, потому что вокруг еда. И какая?

Салат с яйцами и горчицей. Тушеное мясо. Овощи. Хлеб с отрубями, не черный и не белый, а серый, как я люблю. Соусницы... ровно три. Открою наугад... среднюю! Так, томатный и много-много зелени, остальные открывать бессмысленно.

Здесь только то, что я люблю есть. И какова вероятность, что это получилось случайно? Яйца с горчицей из всех моих знакомых люблю только я одна.

— Инжу?

Томирис тоже не ел.

— Здесь только мои любимые блюда.

— Да, — он снова улыбнулся.

Пальцы подрагивали. В таких случаях природой предусмотрено, что они должны что-то вертеть, потому что иначе начинаешь нервничать еще сильнее. Ну, пусть это будет вилка, хотя это не очень красиво. Однако посторонних за столом нет.

Вот как я уже заговорила. Посторонних...

— Инжу? — ну конечно, он хочет знать, почему я не ем. Рискну сказать правду.

— Меня это пугает.

— Что именно?

— Тут все как будто под меня подстроено. Моя комната... Откуда ты знаешь, что я перед сном съедаю шоколадку с мармеладом в форме монетки? У меня в ящике тумбочки целая коробка. А еда? Почему на ужин подали только то, что я люблю? Свадебное платье... оно заказано у моей любимой модистки, но я никогда у нее не одевалась, потому что она обслуживает только избранных. И все остальное...

— Мне хотелось сделать тебе приятное, — он отвел глаза и принялся резать на своей тарелке мясо. Или даже, скорее, пилить его. — Тебя это пугает?

— Нет... нет. Просто... не знаю, как лучше сказать.

Я собралась с силами и это было непросто.

— Я ведь обычная девушка, Томирис. Во мне нет ничего оригинального или... ничего такого, из-за чего мужчины сходят с ума. Ни умопомрачительной красоты, ни тонкого ума. Ты меня плохо знаешь и возможно, если узнаешь лучше, то...

Теперь мне под руки попалась салфетка. Он так красив в этой строгой одежде. У него такие яркие глаза... горячие. И что на самом деле его может заинтересовать в такой девчонке, как я?

Он дожевал и улыбнулся.

— Ты моя караса, Инжу. Моя нареченная. Я тебя люблю.

— Что-о-о?

Вот это было неожиданно. Я слышала, конечно, про предсказание Тауки и про то, что

они всегда сбываются — весь день слуги на заднем фоне талдычили, а подруг эти история просто очаровала. И он забрал меня из родительского дома, увел так уверенно, будто ни секунды не сомневался, что поступает правильно.

— Ты меня не знаешь, — пролепетала я.

— Я тебя знаю, — он подцепил вилкой очередной кусок мяса, но даже жуящий, казался очень веселым. — Я за тобой с рождения наблюдаю. Ты смелая и решительная, и не любишь следовать традициям, которые кажутся тебе глупыми. Ты немного вспыльчивая и добрая. Не обманываешь, не грубишь, не издеваешься над слабыми. Я знаю, что в тринадцать лет ты собиралась бежать из дома с подругой и жить в лесной сторожке, в пятнадцать целый месяц пыталась учиться играть на гитаре, а в выпускных оценках получила «неудовлетворительно» по литературе из-за личного конфликта с учительницей.

У-ух ты...

Что тут еще скажешь?

— Так что не волнуйся, мое отношение к тебе не изменится. Теперь нам осталось сделать так, чтобы и ты меня узнала. Правду, а не те слухи, которыми тебя пичкали на протяжении жизни. Твои родители почему-то не хотели поверить Тауке и пытались настроить тебя против нашего союза. Они даже позволили тебе верить, что идея с поясом была моей. Очень жаль, что пришлось настаивать, я бы предпочел договориться. Впрочем, теперь мы вместе. Так что давай, спрашивай. Что тебя интересует? Что беспокоит?

Надо же, как полегчало. Даже не думала, что настолько боюсь его разочаровать. М-мм, а овощи притушены как раз так, как нужно — совсем немного хрустят, но уже мягкие. Идеально.

Вместе со вкусом цветной капусты во рту расцвело понимание еще одного момента. Я даже чуть не подавилась!

— Так это ты мне подарил... розовый шар?

Это точно он мне его подарил! Дело в том, что в моей памяти не сохранилась личность дарителя, но совершенно определенно это были не родители.

— Я купил его, когда твоя мать впервые показала тебя. Летом. Я вернулся в город, чтобы присутствовать на голосовании по новому проекту о минимальной заработной плате для низшего класса и когда возвращался после заседания, проезжал ваш дом. Я помню, что очень устал тогда, но не смог проехать мимо. Будто стена на пути возникла. Я остановился, вышел из машины и позвонил в вашу дверь. Меня провели прямо в детскую. Ты играла в кубики, на тебе было розовое платье с огромной юбкой, потому что ты обожала розовый цвет.

Простительно, в два года-то.

— Я не знал, что и думать. Когда я смотрел на тебя, я видел ребенка и мне хотелось своих детей, таких же. Но при этом твое лицо иногда перекрывалось видением другого... взрослого, твоего нынешнего. И тогда я думал только о том, что придется долго ждать. Такое смешанное, раздражающее ощущение — будто ты явился в гости раньше времени и тебе еще долго предстоит торчать, скучая, в приемной. В тот день из твоего дома я направился прямо в детский магазин. Впервые в жизни. И ходил там между рядами кроваток, вешалок с крошечной одеждой и грудями игрушек и этот чужеродный мир пугал меня больше, чем интриги недругов. Розовый шар мне попался случайно и настолько напомнил тебя... в том забавном воздушном платье, что я тут же его купил. Мне позволили его преподнести, но впредь запретили приносить подарки. Твои родители заявили, что сами способны купить

ребенку все необходимое и я не мог настаивать. Так что за все эти годы мне удалось подарить тебе подарок всего дважды.

— Дважды?

— Да.

Я машинально потянулась к шее. Из общей массы подаренного на моей памяти выбивалось еще только одно.

— Гарнитур с изумрудами, который я надевала на бал?

— Его создали, когда тебе исполнилось двенадцать. Я случайно нашел малоизвестного мастера-ювелира в глубинке. При этом его мастерство поражало — столичным мастерам стоило бы многому у него поучиться. Тогда я заказал ему гарнитур с камнями — первый настоящий подарок своей карасе.

В этот момент кто-то из слуг включил в глубине столовой еле слышную музыку. Томирис беззлобно усмехнулся, покачал головой и продолжил разделявать свой кусок мяса.

— А это слово... что оно значит?

— Караса?

— Да.

— Так у тандров принято называть любимую женщину, которую вспоминаешь даже на пороге смерти. Свое дыхание. Свою душу.

— А мужчину как называют? Для него же есть слово?

— Корас.

— Корас, — повторила я, прислушиваясь к трепещущим гортанным звукам. Красиво.

Мясо тоже нужно попробовать. И соус, обожаемый мною томатный соус...

Честно говоря, к разговору мы вернулись только когда поужинали и ждали чай.

— Расскажи мне про Тауку, — попросила я.

Томирис ненадолго задумался, обхватывая чайную чашку двумя пальцами. Он так осторожно сжимал фарфор, что в голове возникали ассоциации — пыльцы, но не поверх изображения крошечных роз, а на коже. На моей коже.

И это вводило меня в ступор.

— Она была странной женщиной. Основное ее пророчество — предсказанные пары. Она любила говорить, что все известные провидицы предсказывали войну, голод и смерть, а она никогда не останется в людской памяти, потому что предсказывает счастье.

— Ее знают.

— Да, — он согласно кивнул. — И я рад. Она была моей двоюродной бабкой.

— Правда? — я удивилась. Никогда не слышала о родственниках провидицы, почему-то подобная информация никого никогда не волнует.

— Да. Мои родители были первыми, кому Таука предсказала общее будущее, одну жизнь. Они настолько глубоко были погружены друг в друга... Мне, как любому ребенку, казалось, что я для них не так важен, как они сами. Таука в чем-то заменила мне родителей. В конце своей жизни она очень... много лет не предсказывала, болела и все ждали, что в любой момент ее не станет. Она не боялась смерти, но обещала не умирать, оставив меня одного. Сначала я найду твою единственную, шутила она. В день свадьбы твоих родителей никто не ждал, что Таука сможет встать с постели, но она настояла на своем присутствии на балу. И умерла два дня спустя. Но сдержала свое обещание — я не один.

Боги, сколько времени я мечтала о чем-то подобном. А сейчас страшно делается от всего происходящего. От того, что он говорит, от того, как смотрит и от потаенного страха,

что это все исчезнет так же легко, как пришло. Разве счастье не нужно заработать? Разве оно может просто взять и свалиться на голову?

— Попробуй эти соленые корзинки... Они не из твоего списка, но думаю, тебе понравятся, — продолжал болтать Томирис, как ни в чем не бывало, а его пальцы машинально ласкали фарфор медленными, задумчивыми движениями.

Так, попробовать единственное блюдо, которое мне незнакомо. Где? Ага, вот они!

Я взяла одну крошечную корзинку с коричневым кремом.

— Томирис, а скажи вот... если у нас... ну... Детям тоже передается эта вероятность проявления агрессии? Они тоже однажды могут...

- Ты об агрессии тандров?

Дождавшись моего кивка, он спокойно продолжил.

— На самом деле агрессия проявляется очень редко. И всегда имеет под собой причину. Я знаю, — многозначительно приподняв брови, сделал он упор, — что говорят, но это не совсем правда. Никогда не бывает беспричинной агрессии. Это всегда реакция — или на предательство, или это самозащита, или что-нибудь еще, не менее серьезное. Никогда не бойся нашей крови, Инжу, пусть дураки боятся.

— Я не боюсь.

Корзинка, и правда, необычайно вкусная, сыр и грибы. Легкий, воздушный сливочный крем. Необычное сочетание.

— Хорошо, — он мягко улыбнулся. — Что еще тебя беспокоит?

— Говорят, — черт, опять я произношу вслух сплетни, но а как иначе? — Говорят, что тандры... что они своих жен... запирают дома и в общем...

— Разве ты под замком?

— Я тебе еще не жена.

— Ладно, — он подумал, покосившись в сторону. Так забавно вышло. — Нет, Инжу, такого нет.

— Тогда почему жены тандров не ведут свободный образ жизни? Их практически не видно на балах, в парках и на общественных гуляниях? А если они выходят в свет, то только с мужьями?

— Может потому, что они не очень любят все эти развлечения, которые ты перечислила?

— Это как?

Кажется, челюсть моя отвалилась не меньше, чем утром у Зормы.

— Ну как знать, — он поднял глаза к потолку, — возможно, они предпочитают оставаться дома, со своей семьей? Проводить вечер со своим мужем?

Он лукаво улыбался и старательно смотрел по сторонам, но его глаза все равно остановились на мне.

Так, обо всем этом я подумаю позже, когда останусь одна. Но мама дорогая, ведь это, наверное, естественно — хотеть провести вечер с человеком, которого любишь.

Мне же нравилось находиться сейчас с ним, говорить с ним, здесь, сейчас, под треск свечей и я ничуть не жалела, что не поехала на очередные посиделки с подругами.

— Я не буду тебя запираю. Но постараюсь убедить, что моя компания может быть куда приятнее всех тех пустых прожигателей жизни, которых ты встречаешь в обществе.

Его глаза снова загорелись и удивительно, как чашка под его пальцами еще не превратилась в жидкую лужицу глины.

Он, наверное, хочет меня поцеловать. Так странно... конечно, я встречала мужчин, которые хотели меня поцеловать, но никогда они не хотели этого настолько, что под их взглядом у меня пересыхало во рту. Или я не понимала?

Дверной колокольчик звякнул, когда покой нарушил кто-то из слуг. Он прокричал прямо с порога, не подходя к столу:

— Господин Хайде, вас жду в гостиной. Встреча, которую вы назначили на вечер.

Голос у дворецкого был недовольный, будто ему совсем не нравилось говорить то, что он сообщил, однако выхода нет.

Томирис вдруг поморщился и сдернул с колен салфетку.

— Скажи ей, сейчас подойду. Мы вообще-то договаривались позднее и такое раннее появление мне неудобно. Дай ей понять, что в следующий раз я требую от нее пунктуальности.

— Да, господин.

Дверь закрылась. Томирис поскущел и посмотрел на мой недопитый чай. Он не мог встать из-за стола, пока я не закончу ужин.

Руки со стола Хайде убрал, а потом одной из них дернул себя за ворот, и поморщившись, расстегнул пару верхних пуговиц рубашки, будто ему душно. Он так нетерпеливо себя вел, с каким-то раздражением — и непонятно почему злился. Похоже, ему не терпится уйти.

А я больше не хотела есть. Не хотела ничего.

Улыбки, доброжелательность, ожидание... что-то невидимое между нами, отдалено напоминающее осторожные изучающие прикосновения, сделанные украдкой — все исчезло.

Сколько раз я видела нечто подобное? Вечер — и отец, заглянувший в комнату на минутку, убегает на полуслове, как только прислуга сообщает, что «она» пришла и ожидает в кабинете. Отец забывает про нас, и ему уже не интересно дослушивать, как наши дела и как прошел день, и какие оценки мы заработали. Мысленно он уже там, в другой комнате, где ждет неведомая «она».

Надо же, я так наивна... Развесила уши, как безмозглый слон. Разогналась. Люблю тебя, моя нареченная... Мое предсказание. Овца глупая. Мама много раз говорила — любить можно одну, а спать можно со многими, одно другому не мешает.

— Инжу?

И столько удивления в голосе.

Сволочь какая. Почему я такая дура? Почему мои глаза так быстро заволокла вся эта розовая чушь о великой любви? «Не все сплетни правда?» «Провести вечер с мужем?».

Какая змея...

— Инжу!

Раздался скрежет отодвигаемого в спешке стула. А теперь он двигает мой стул, но лучше отвернуться, потому что мне совсем неохота его видеть.

— Я уже поужинала, спасибо. Можете идти, — скороговоркой проговорила я, пытаюсь выставить его раньше, чем он увидит мои слезы. Когда он уйдет, я выйду из дома и вернусь к родителям. Пусть мама выберет мне мужа на свой вкус, пусть даже «воспитанного в лучших традициях хладнокровных», по крайней мере тот не будет вешать мне на уши лишней лапши.

Надо же, а я еще способна плакать!

Ай, больно, однако.

Томирис потянул меня за плечи, поднимая и вдруг крепко обнял, до боли сжимая спину.

— Не делай так больше, Инжу. Не отдаляйся от меня.

— Отпустите.

— Я так давно тебя знаю, что постоянно упускаю из виду, что ты совсем не знаешь меня. Что ты выросла в мире своих хладнокровных. Помнишь, я тебе однажды кое-что пообещал? Ты помнишь?

— Нет.

Он столько всего пообещал за последние сутки. Любить меня. Уважать. И все эти обещания остались в далеких наивных фантазиях.

Сердце колотилось, как бешеное. Как просто, оказывается, сделать из меня дуру. Хотя... мне всего двадцать один. Уверена, дайте мне пару десятков лет — и получите умудренную жизнью хладнокровную, достойную подражания.

Невозмутимую. Циничную. Неуязвимую для лжи.

Ненавижу.

— В семьях тандров не принято вести себя как в тех, к каким ты привыкла. В наших хранят верность своим женам и мужьям. Я очень надеюсь, что ты станешь мне верной женой. Ты все неправильно поняла, Инжу. Эта женщина... по проекции самого короля, будет просить о снисхождении к своему мужу, который обворовал целый город. И я должен ее выслушать, хотя знаю наперед каждое слово обещаний, угроз и предложений, которые она произнесет.

Надо же, я почти вытерла нос о ткань его рабочего сюртука. Он на секунду отодвинулся, вынул из кармана платок, подождал, пока я его использую и тут же прижал меня обратно к груди.

— Хочу, чтобы ты мне верила, Инжу, — продолжал он, слегка покачивая меня из стороны в сторону. — Чтобы ты мне верила... Завтра наша свадьба и я жду этого дня больше двадцати лет. Неужели ты думаешь, что я способен... дьявол!

Томирис отшатнулся и, обхватив мой подбородок пальцами, поднял мое лицо вверх.

— Мне больно, что ты так подумала, — неожиданно горько признался он.

Я молча высвободилась из его пальцев и обратно прижалась к его сюртуку, потому что мне, оказывается, безумно нравится к нему так прижиматься. Почти обнимать его, пусть и без рук и ощущать, как бьется его сердце, как он дышит, как легко целует мои волосы и молча покачивает меня, успокаивая.

Как быстро меняется мое о нем представление. Вроде калейдоскопа, который усиленно трясут — голова идет кругом. Так, наверное, будет продолжаться, пока я на самом деле его не узнаю. Невероятно, но кажется, я уже снова забыла все плохое. Так же быстро, как прежде стерлись из памяти годы, проведенные в оковах пояса верности. Какая это была ерунда, теперь я понимаю...

На фоне всего остального.

Он держал меня так долго, что я первая вспомнила о посетительнице, которая ожидает в кабинете.

Завтра я разберусь во всем. Завтра.

Осталось день потерпеть и я стану ему женой.

Ох, что тогда будет!

В комнате меня ждало пушистое одеяло и открытое окно. Окно я закрыла, ночью будет слишком прохладно, хотя я люблю свежий воздух. Не буду рисковать — не хочу простыть перед завтрашним днем.

Видимо, я слишком переволновалась, потому что спала беспокойно. И конечно, вокруг никого не было — только горничные. Не было мамы, которая бы успокоила и сказала, что свадьба, которая случается у хладнокровных раз в жизни, не такое уж и огромное по своей величине событие. Не было подруг, которые нетактично отмахнулись бы от моих страхов, мимоходом упомянув, что все через это проходят и хватит ныть! Не было родственниц, которые бы кудахтали вокруг, поздравляя и болтая о всякой чепухе, обмениваясь хохотом и сплетнями.

Не было никого, поэтому переживать пришлось одной.

Ночью я подскочила на кровати, как будто меня укусили. В сон ворвалось четкое чувство острой опасности и разбудило меня быстрее громкого вопля. В комнате кто-то был.

Чертово одеяло! Как можно быстро сбросить его и освободить ноги, чтобы убежать или суметь оказать любое другое сопротивление, когда оно такое неуклюже-огромное и почти не двигается с места, а только мнется? Со мной практически случилась паника.

— Инжу, тише, это только я.

От неожиданности, что этот кто-то заговорил, я завопила и только потом до конца продрала глаза.

Томирис стоял возле того самого кресла, которое утром оказалось не на своем месте, выставив вперед раскрытую ладонь. Значит, утром беспорядок в расстановке мебели мне не померещился, что радует.

— Прости, мне просто не спалось, — он отступил еще на шаг. — Я не хотел тебя пугать. Прости. Я просто тут сидел, вел себя тихо и не собирался тебя будить. Честно.

Я откашлялась. Мне привиделось чудовище со множеством щупалец, которое сдавливает ими тело, пока твои кишки не вылезут наружу, а тут он.

— Ничего, я испугалась не тебя... Испугалась, что в комнате кто-то чужой. Есть вода?

Он осторожно, как пугливому животному, протянул мне стакан, взятый со столика. Забрав его обратно и так же осторожно поставив на место, попытался отойти. Я молча вцепилась в его рукав.

— Стой.

И заставила его сесть на кровать, а потом упасть на спину рядом со мной.

Сюртук он где-то снял, но так даже лучше. Сквозь рубашку лучше чувствуется его запах, пока непривычный, но притягательный, от которого сердце бьется сильнее и кружится голова.

Я вдохнула глубже и крепче прижалась к его плечу.

— Боюсь теперь спать одна, — пробормотала я сквозь сон.

— Ты в моем доме. Нечего бояться, никто в твою комнату не войдет, дверь заперта.

— Но ты же вошел...

— Ну это же мой дом...

Он улыбался. Я тоже улыбнулась, крепко обхватывая его руку выше локтя. Нет, ни за что не отпущу!

— Все равно.

— И чего я спорю, — хмыкнул Томирис, повернулся на бок, так что теперь я уткнулась носом ему в грудь, но так получилось даже лучше, и обняв меня второй рукой, подтянул одеяло, закрывая спину. — Спи.

Я закрыла глаза и снова вдохнула. Вот теперь все правильно. Мягкое одеяло, свежий,

почти холодный воздух и он... Идеально.

Проснувшись утром, первым делом я перебрала в голове ночные воспоминания, потому что часто ночью мерещится то, чего на самом деле не существует. Страхи, желания... страсть. Но нет, в моем случае все оставалось так же — идеально.

Только я, конечно, не знаю, что нужно говорить после ночи, проведенной с мужчиной. Хм, почему, интересно, в помощь юным девушкам существуют такие небольшие книжки с примерными фразами, которыми следует обмениваться при встрече с противоположным полом на улице или в театре, и нет книжечки с фразами, которые принято говорить мужчине, когда просыпаешься с ним в одной постели.

Томирис проснулся с улыбкой и тут же притянул меня к себе. Глубоко вздохнул, раскрывая ладонь на манер цветка и прижимая к моей спине.

— Доброе утро, Инжу.

Надо же, как просто. Я улыбнулась в ответ.

— Доброе утро.

На самом деле любая свадьба хладнокровных следует одному и тому же сценарию. Можно, конечно, запуск в небо белоснежных голубей заменить цветными попугаями или даже бумажными змеями, но суть не меняется — все должно быть красиво, дорого и по полной программе.

Так все и происходило. Томириса из моей комнаты выгнали горничные, которые вроде бы не замечая его присутствия, обступили кровать и, перебивая друг друга, принялись готовить невесту к бракосочетанию.

Приехали девчонки и мама с братьями, которые тут же устроили кавардак, утащив подушки с дивана под столик и устроив там засаду на проходящие мимо ноги. Мама все еще злилась, но осмотрев дом, значительно подобрела. Кровь тандров во мне уже есть и при любом раскладе перейдет моим детям, а Томирис слишком высоко летает, чтобы упорно продолжать считать его плохой партией для дочери, пусть и единственной.

Это было просто сказочно!

Платье обтекало мое тело, как вода в душе, и было таким же нежным и ласковым. Невесомая вуаль крепилась к тугим локонам, собранным на затылке и щекотала нос, отчего постоянно хотелось чихать и смеяться.

— Инжу, ты словно мороженое, которое подают в кафе у парка Парящих лепестков, — уверяла Куль, поправляя мое ожерелье с белыми полупрозрачными лунными камнями, которые я предпочла слишком броским и сверкающим бриллиантам.

— Нужно чем-нибудь перекусить, — мама уже по-свойски взмахнула рукой, подзывая служанку, — накройте нам фруктовый стол: легкие салаты, сухие хлебцы и вода.

— Инжу, иди, поешь, — она подтолкнула меня в спину. — Девочки, вы тоже. Валисса, брось эту накидку, она тебе мала в плечах. У тебя будет своя, под сезон. Девочки, да слушайте же меня, в конце концов!

Мы уселись за столик, меня на всякий случай замотали простыней, чтобы не испачкалось платье, но есть не хотелось. В животе бурлило от предвкушения грядущей свадьбы и, возможно, ночи, когда он снова окажется рядом. Наедине. Будет спать в моей кровати, ну или я в его, это как раз не важно. Важно то, что тогда он, возможно, рискнет сделать нечто большее, чем просто обнять.

Неужели я правда этого хочу?

К счастью, вокруг было достаточно шумно, чтобы отвлечь от подобных размышлений.

— Инжу, ты такая красивая, — с удивительно серьезным лицом сообщила Зорма перед выходом в парк, где нас ждал жених, и все как по сигналу замолчали.

— К счастью, — сказала мама и шмыгнула носом. Похоже, совсем меня простила.

Саму церемонию я вспоминаю, как вспоминают сны. Нечто белое, сверкающее, полное оглушительной радости, восторга и счастья. Все окружающие счастливы. Я счастлива... скорее всего, ведь мне пока не с чем сравнить. Не могу же сравнивать со сном? Лица сияют, улыбки одна шире другой, все такие красивые...

Томирис был лучше всех. Еще бы, да я просто никого другого не видела, когда, появившись в парке, вычленила его из огромной толпы. Это оказалось так же просто, как сосчитать, сколько будет дважды два. Почему? Да потому что *он стоял в центре мира*.

Одетый в белоснежный фрак и такие же белоснежные брюки. Его кожа на этом фоне казалась немного смуглой и почему-то... вкусной? Ой-е...

Надеюсь, для невесты обычное дело краснеть под взглядами стольких людей, хотя меня интересовало только, умеют ли они читать мысли. Предвкушение чего-то лакомого и неизвестного расплывалось по языку сотней вкусовых оттенков.

— Инжу, иди, — маме пришлось подтолкнуть меня в спину, потому что невесте не полагалось стоять столбом на одном месте.

И я пошла к нему.

К человеку, которого не знала, но который как-то неожиданно стал мне ближе и привлекательней всех родных. Который приковывал мое внимание так же легко, как если бы был последним живым существом во вселенной. Над этим стоит подумать... позже.

Я всегда верила в предсказательниц и в то, что они вещают. Всегда хотела получить свое личное предсказание.

Но я никогда и представить не могла, что возможно такое...

Томирис протянул мне руку и я с готовностью протянула ему в ответ свою. Его пальцы дрогнули и крепко сжались вокруг моих пальцев, заставляя кожу гореть.

Регистратор брака покашлял в бороду, привлекая внимание к своей персоне.

— Мы собрались здесь в этот чудесный день... — заговорил он.

Я быстро опустила голову, скрывая непрошенную улыбку. Мама дорогая, да где они выкопали регистратора с та-аким голосом? Хотя, судя по красующимся на одежде нашивкам, он большая шишка, так что нам с Томирисом оказали большую честь.

Хайде рядом еле уловимо трясся от смеха, передавая мне дрожь через наши сомкнутые пальцы.

Странно, как обычная, довольно нудная церемония регистрации, которую десятки раз видел со стороны, вдруг меняется, стоит тебе оказаться на месте тех несчастных, что вынуждены исполнять центральную роль всего действия. Мне лично все время казалось, это происходит не со мной, а с неизвестной девушкой, на которую я смотрю со стороны и вижу, как доверчиво та льнет к своему спутнику. Я — в стороне.

Ровно до тех пор, когда регистратор не разрешил жениху поцеловать невесту. Вот тут уж я вернулась в тело, потому что не могла такое пропустить.

Томирис наклонился, нетерпеливо дернул опущенную на мое лицо тонкую вуаль, потом вспомнил, что это предмет нежный, и откинул ее назад, поверх волос, медленно и осторожно.

Потом наклонился и быстро прижался губами к моим губам. Всего на секунду. Такое скользкое, дразнящее касание, как будто тебе обещали дать лизнуть мороженое, но в последний момент выхватили его из твоих рук.

— Еще, — сказала я, пока он не успел отодвинуться далеко.

Он послушно наклонился и вот теперь...

Губы у него все-таки мягкие, как я и предполагала. И еще они, кажется, хорошо знали, чего от них ждут, по крайней мере, вели себя очень уверенно и настойчиво. Надеюсь, вкус моей помады ему понравится, по крайней мере, не вызовет отвращение. Хм... это если он вообще заметил этот вкус.

— Еще, — непроизвольно прошептала я, когда Томирис снова от меня оторвался.

— Обязательно, но немного позже, — быстро проговорил он и только тогда я услышала негромкий рокот окружающей толпы. Не думаю, что они готовы стоять и любоваться молодоженами столько времени, сколько нам потребуется на поцелуи... и вообще, лучше остаться одним — неизвестно, к чему это приведет.

— Теперь вы муж и жена. Родные, можете поздравить молодых, — быстро вставил регистратор в образовавшийся промежуток, решив не дожидаться, пока мы снова примемся целоваться. Опытный, похоже.

Потом был обед: горы еды, сверкающие огнем фужеры, такие длинные столы, что я не видела сидящих на том конце зала, и бесконечные вереницы официантов с переменами блюд.

— Инжу, ешь, — шептал Томирис одним уголкем губ, а другим улыбался шуткам свадебного церемониймейстера, снующего между нашим столом и ближайшими гостями, естественно, самыми важными. Малозначимых гостей размещали далеко на галерке, там, где в настоящий момент находились мои подруги. Зря я вчера не подумала об этом и не изменила их местоположение, передвинув предназначенные им места поближе к себе.

Мы переждали шквал поздравлений, подарков и тостов, а потом гости во главе с нами перешли к танцам.

С удивлением я обнаружила, что небо темнеет. Не ожидала, что время пролетит так быстро. Томирис пригласил меня на первый вальс вечера и мы кружились с ним, в каком-то радостном безумии — и мне казалось, наши ноги вот-вот оторвутся от паркета и мы поднимемся вверх.

Хорошо бы напрямик в спальню.

Я снова покраснела, надо же, какие мысли лезут в голову. Самое поразительное — всего три дня назад я думала о куда более неприличных вещах, думала отвлеченно и уверенно, с анатомической дотошностью — и хоть бы хны, а сейчас как совсем юная девушка, бросаюсь в краску даже при мысли о простом поцелуе...

— Инжу, мне жутко хочется узнать, о чем ты думаешь, когда так мило краснеешь? — поинтересовался Томирис, но судя по довольному взгляду, на самом деле он прекрасно догадывался, о чем.

— Скажи мне.

Я покачала головой.

— Скажи.

— Нет.

— Скажи-и-и

— Ни за что!

- Я все равно у тебя выпытаю, — что-то прикинув в уме, пообещал он и, мама дорогая, я ни секунды не сомневалась, что к концу ночи он узнает от меня все, что только захочет знать. Услышит все. Получит все... Все, что угодно.

— Двигайся, Инжу, — проворковал он, продолжая кружить меня по узорчатому паркету.

Когда музыка смолкла, мы не сразу остановились, а сделали еще пол оборота, как дорабатывающая завод пружина. Одновременно. Смешно было, жуть!

— Господин Хайде, прошу прощения.

Вытянувшийся среди ближайших пар служащих в темно-синей форме и фуражке явно испытывал неудобства оттого, что вынужден был вмешаться и остановить танцы, но приказ есть приказ и он продолжал. — Срочное дело, господин Хайде, у меня на руках приказ короля. Велено немедленно доставить. Вам велено немедленно явиться к королю. Прошу прощения.

Томирис моментально превратился в высокомерную каменную статую, чьи эмоции крепко заперты внутри. Кажется, даже лежащая на моей талии рука стала в несколько раз тяжелей.

— Инжу, извини, — пробормотал он, пристально смотря на служащего. Мне того даже жаль стало, потому что гонцов, несущих дурные вести никогда не любили. Но приказы короля не обсуждаются и должны исполняться, даже если Томирису придется ради этого оставить свою собственную невесту в одиночестве праздновать их совместную свадьбу.

Через несколько секунд Хайде исчез, исчезла его рука, исчезло даже тепло его прикосновения, а меня обступила толпа желающих потанцевать и, конечно же, посочувствовать.

Время, как ни в чем не бывало, летело себе дальше. Кружились радостные пары, церемониймейстер продолжал устраивать веселые конкурсы, правда, совершенно исключив из своей программы упоминание жениха с невестой и все тосты с поздравлениями. Действительно, опытный...

А меня ждало сочувствие в неприлично огромных количествах. Такое многослойное, такое цепкое, как веревочная ловушка, в которой барахтаешься, как муха в паутине, а в результате только сильнее запутываешься. Сначала меня веселила вся эта жалость и чуткое сожаление, которое мне поминутно высказывали. Потом оно стало надоедать. Потом злить.

Когда время перевалило за полночь, я поблагодарила за танец очередного кавалера, чуть ли не на коленях умолявшего забыть о происшедшей неприятности и веселиться в свое удовольствие (хотя как тут забудешь, если каждые две минуты кто-нибудь случайно напоминает?) и прямым ходом направилась к ближайшему официанту с подносом в руках.

Шампанское пилось, как вода.

— Разрешите составить вам компанию?

Рядом появился Викас, высокий хлыщ, репутация которого была такой же чистой, как труба камина в моей комнате. Его привлекала каждая девушка, вышедшая из юной поры, соответственно, ставшая доступной. Сегодня он танцевал со мной несколько раз и каждый раз мне приходилось чуть ли не силой вырываться из его липких объятий на грани приличия.

Сейчас я не успела ответить, потому что тянулась за следующим бокалом. Присосавшись к нему, я безразлично махнула рукой — нет сил отвечать на банальность.

— Милая моя, кто же так пьет шампанское? Залпом, как в подворотне! Это же не вода!

Рядом появилась мама, похлопала меня по руке и низко наклонившись, прошептала в

уху: «Не волнуйся, он тебя не бросил». Она хотела что-то прибавить, но ее партнер, мужчина с лицом, похожим на жеваную бумагу, которого я уже пару раз видела в ее обществе, нетерпеливо дернул маму за рукав и она, быстро извинившись, ушла.

Я потянулась за очередным бокалом. Он меня не бросил? Нет, конечно, я и сама понимаю, что так нужно — работа, приказ короля, наверняка случилось что-то ужасно срочное и никак нельзя было отложить решение какого-то важного дела. Но мне все равно очень больно. И плохо. И обидно.

И я не знаю, что делать, потому что не готовилась ни к чему подобному. Даже в голову не приходило подобной возможности развития свадебного вечера!

К счастью, шампанское имеет свойство отлично повышать настроение при любых обстоятельствах. После третьего бокала мне стало куда веселее и у меня получилось, наконец, игнорировать сочувствующие и тем более злорадные взгляды.

Голова кружилась, и я уже не знала — от шампанского ли? От танцев? От комплиментов, которые мне безостановочно шепчет Викас, который уже непозволительно долго от меня не отходит? Ну, неважно...

Казалось, мы танцевали с ним не меньше часа. Я почти оглохла от музыки и почти задохнулась от жары, а ноги налились свинцовой тяжестью.

— Выйдем на террасу, — услужливо предложил Викас, слегка поморщившись, когда я в очередной раз наступила ему на ногу. Сложно, знаете ли, ловко перебирать ногами, когда они весят тонну.

Я кивнула, и мы отправились на улицу. Говорят, холодный воздух разгоняет туман в голове, но мой туман стал только гуще и даже сумел сконцентрироваться в одном-единственном направлении.

Сейчас, когда гости остались в зале, больше не нужно сохранять всепрощающий и всепонимающий вид идеальной во всех отношениях жены.

— Инжу, вы так расстроены. Не плачьте, родная моя, не нужно. Вы сегодня изменили мою жизнь, я счастлив, что вас встретил. Как я вас раньше не замечал? Это я должен плакать... От счастья!

Ну, конечно! Раньше я была недоступна, не такой он дурак, чтобы совращать невинных девочек, вот и не замечал, думала я, но какая разница? Какое мне до него дело?

Разве я плачу? Стоило услышать о слезах, как из глаз потекла вода, теплая, быстрая, от нее чесались глаза, щеки и шмыгал нос. Да уж чего там, я еще и всхлипываю. Получается, я на самом деле плачу.

Викас что-то говорил, но мне давно уже был все равно. Я горько рыдала над своей испорченной свадьбой, над тем, что меня бросили одну и все меня жалеют. А вместо того, чтобы меня целовать, Томирис сейчас где-то далеко и неизвестно, когда вернется. Слишком далеко в такой важный день...

Ноги отказались двигаться, я покачнулась, а потом схватилась руками за ближайшую опору — его одежду и рыдала, а Викас успокаивал меня, бормоча что-то неразличимое и вкрадчивое, и в какой-то момент, когда слезы почти иссякли, а в голове и теле осталась только тупая усталость, вдруг все изменилось, будто с закрытой сцены внезапно упал занавес, выставив происходящие внутри секреты на всеобщее обозрение.

Губы человека, которого я использовала в качестве жилетки, почему-то были прижаты к моему лицу, к щеке, и мало того, медленно двигались по направлению к моим губам.

Вокруг лопнула тишина, и следом раздался тихий предостерегающий рык.

Оказалась, что терраса забита людьми, большинство из которых смотрели на нас с понимающими усмешками. Вполне в духе хладнокровных. Но все они заволновались, зашептались и быстро расступились перед существом, в котором я не сразу узнала собственного мужа.

Стоявший на его пути вазон с цветами отлетел от сильного пинка и разбился о плитку, засыпав ее землей и смятой зеленью. Потом в сторону полетел его плащ. Следом — шпага, которую он отшвырнул так небрежно, будто не знал, что это за предмет такой висит на поясе и мешает.

Раньше я говорила, что его взгляд бесстрастен? Я ошибалась! Вот сейчас в его взгляде не было ничего, будто чувства отмирали, отрывались на живую и корчились, издыхая в муках, оставляя только мертвую пустоту.

Опомнившись, я с силой оттолкнула Викаса, который от неожиданности попятился, зацепившись одной ногой за другую и чуть не упал.

— Хайде!

Никакой реакции на его лице не отразилось, никакой работы мысли, ни малейшего узнавания. Он нетерпеливо повел плечами и раздался трест рвущейся материи. Потом он наклонился вперед, выставляя голову, как бык, готовый к атаке.

— Хайде! Остановись!

Мимо пронеслось что-то неуправляемое, тяжелое, мимоходом оттолкнув меня в сторону, так что я упала на пол, а потом проехала по каменной поверхности, больно ударившись копчиком.

— Вы смотрите, что происходит? Да это же бешенство! — ахнули из толпы, которая в ответ загомонила и стремительно принялась редеть.

— Уходим, — матери быстро разворачивали детей, уводя от опасности.

— Позвольте проводить, — молодые люди предлагали руку спутницам, прикрывая свой страх необходимостью уберечь их от нелюбезного зрелища.

— Вызовите охрану! — приказал кто-то из мужчин. На месте, где только что стоял Викас, разъяренный зверь нависал над распростертым на полу телом.

Хорошо хоть у того хватило ума не кричать и не шевелиться!

Томирис, казалось, удивился, несильно толкнул неподвижно лежащее тело ногой, потом снова зарычал. Отпрыгнул в сторону и в ярости обрушил кулак на стену. На светлой побелке остался кровавый отпечаток. Рядом тут же отпечатались второй удар.

— Томирис, не надо! — кричала я и слезы снова текли по лицу, будто я попала под ливень.

— Его нужно остановить! — среди редких гостей, оставшихся на террасе, в основном мужчин, появились охранники.

Сошедшего с ума тандра нельзя привести в чувство. Если он сейчас погрузится в это состояние, то все, у меня больше не будет Томириса. Не будет мужа. И это после всего того, что он мне обещал?

Томирис отскочил чуть дальше, громя изящную конструкцию с цветами.

Только бы успеть! В пояснице словно ворочали острую спицу, пока я поднималась на ноги, не забываясь, насколько сильно задралось платье.

— Хватайте его! — деловым тоном приказал начальник охраны.

Чтобы скрутить тандра, его нужно вырубить, иначе он может покалечить. И если кто-нибудь случайно перестарается, и случайно убьет, ему ничего за это не сделают. Скажут,

спасал себя и людей.

Нет!

Викас имел глупость застонать и пошевелиться, и разъяренный зверь тут же бросил хрупкие цветы, обернулся и наклонил голову, собираясь совершить новый бросок на недобитого противника.

— Томирис, не делай этого! Очнись!

Меня словно не слышали, но я не позволю ему уйти! То его прикосновение, испугавшее меня в пятнадцать лет, нынче выглядело совсем иначе. Да, я безумно испугалась, но совсем не исходящей от Томириса угрозы. На самом деле я смертельно испугалась своей собственной реакции, чисто женской, неосознанной, наполненной такой силой и страстью, которую в силу возраста просто не могла ни осознать, ни принять.

Но мне уже не пятнадцать.

Подобрав юбки, я бросилась между ним и Викасом, потому что другого выхода не было.

Удар был такой силы, будто мне вышибли дух. Так вот как бывает, когда не можешь вздохнуть... Судорожный сиплый стон — это мой. Точно мой.

Голова стала раскаляться, будто я упала на включенную плиту.

Мне хотелось позвать Томириса, удержать его взгляд, в котором, кажется, промелькнула искра разума, но из горла рвался только хрип, а напряженная попытка не закрывать глаз разорвала последнюю ниточку связи с реальностью и вместо этого я упала в темноту.

Впервые я напилась в четырнадцать, когда мы с подругами решили, что достаточно взрослые, дабы суметь оценить вкус вина. Не знаю, как насчет вина, но свою ему сопротивляемость мы тогда точно переоценили, причем сильно.

Утреннее похмелье оказалось ужасным.

Но сегодня было еще хуже. Голова раскалывалась, глаза опухли и отказывались открываться, а вместо выдоха снова раздался этот мерзкий слабый стон, который наверняка издавало мое горло.

— Она очнулась!

Испуганный голос служанки доносился глухо, как если бы мои уши были забиты ватой.

— Зови быстрее хозяина!

Раздался стремительный стук удаляющихся каблучков.

Как здорово, что света так мало — уже день, но шторы задернуты. Спина кстати не болит, все неприятные ощущения собрались в районе головы, не знаю, хорошо это или плохо.

С третьей попытки получилось выдавить:

— Пить.

Выпив несколько глотков слегка подслащенного крепкого чая, я с удивлением обнаружила, что не все так ужасно. По крайней мере, я могу встать. Точнее, сесть. Ага, и ноги вполне слушаются.

Горничная суетливо набрасывала мне на плечи халат.

Как только в голове прояснилось, я огляделась. Кресло стояло далеко, на своем прежнем месте. Служанка суетилась где-то за спиной, стараясь не шуметь. Томириса в комнате не было.

Итак, получай, милая Инжу. Первую брачную ночь твой муж провел не с тобой и более того, даже не в твоей комнате.

— Где он?

Не знаю, отчего хрипит голос. Вряд ли от сухости.

Горничную избавил от ответа нетерпеливый стук в дверь и Томирис, собственной персоной возникший на пороге. Резкое движение головы — и горничная проносится мимо меня и бегом исчезает в глубине коридора.

Он больше не зверь...

Я не ошиблась, тогда, перед тем как отключится, он узнал меня и... остановился? Вернулся? Какое облегчение!

— Что с Викасом? — спросила я. Если Томирис убил гостя при стольких свидетелях, ему несдобровать. Его казнят. Казнят, даже если король вступится. И у меня не будет мужа. На этом свете не будет Хайде, никогда, нигде — есть от чего застыть в ужасе.

Темные глаза Томириса загорелись, но совсем не тем огнем, который я привыкла в них видеть. Это было нечто густое и мрачное, как переваренный до черноты сироп, потерявший сладость и аромат.

— Ночью тебя осмотрел врач, — сухо сообщил Томирис, не отвечая на вопрос. Как будто я его не задавала! — Ты совершенно здорова.

Я молчала. Вчера... что было вчера? Томирис вернулся и застал меня на террасе, пьяную, в обнимку с Викасом, хорошо известном своей репутацией донжуана?

— Из дома ты больше не выйдешь.

Заложив руки за спину, Томирис прогулочным шагом двигался перед кроватью. Нечто похожее происходило в тот день, когда он забрал меня из родительского дома, но тогда он волновался. Я только сейчас, когда есть с чем сравнить, понимаю, как сильно он волновался.

Сейчас он словно замороженный.

— Тебе запрещено выезжать из дома без моего личного разрешения. Я скажу, когда срок твоего наказания выйдет, и ты сможешь обращаться ко мне с просьбой о прогулке. Это произойдет нескоро. До тех пор останешься в своей комнате. Вечером придут рабочие, которые установят на окна решетки. Также у тебя изъяли телефон и все остальные средства общения. Я не желаю, чтобы ты с кем-нибудь общалась или чтобы тут появлялись твои родственницы и подруги. Ни одной из них.

Вот так удар.

Решетки? Мне не послышалось?

Я наклонилась вперед. Неплохо его нахлобучило.

Тем временем Томирис остановился перед окном, спиной ко мне и принялся покачиваться взад-вперед, как деревянный болванчик.

— Так и знал, что ты такой же вырастешь, — сухо сообщил сам себе. — Но что я мог сделать? Отобрать ребенка у живых родителей, запереть ото всех и воспитывать на свой вкус? Как можно отнять у людей их ребенка? Зато теперь получаю результат, что поделать — ты выросла такой же извращенной, как они все. Ты уже в пятнадцать хотела мужского внимания. Но все равно ты моя. Ты будешь только моей, даже если тебя придется держать взаперти целую жизнь!

Последние слова он почти прорычал.

Я выросла кем? Вот тут уж он явно заговаривается! А припоминать тот случай вообще подло!

— Хайде!

Как он собирается меня держать? Взаперти?!

— Хайде, перестань!

Он насупился, с угрожающим видом покосившись на меня через плечо.

Мама дорогая, да передо мной совсем другой человек. Где вся та бесконечная нежность, и ожидание, и счастье, которые светились в глубине глаз? Сейчас это настороженный стервятник, нависший над падалью и цепко осматривающий окрестности на предмет появления конкурентов, готовых урвать добычу из-под его носа.

А он намерен сожрать ее сам.

— Хайде, посмотри на меня!

О-ох, а голова все-таки кружится. Когда я сидела, казалось, все не так плохо. Хотя... что может быть хуже этого хмурого нервного лица напротив?

Не уж, я помню, каким он появился в моей жизни. Неважно, какой он, когда находится на работе. Пусть там его боятся и трепещут от одного его взгляда. Я лично хочу видеть другой взгляд, тот, что предназначен для одной-единственной.

— Томирис, послушай меня.

Он заторможено мотнул головой.

— Однажды ты просил меня выслушать и не перебивать. Теперь моя очередь.

Он набрал воздуха, наверняка, чтобы отказать.

— Томирис, выслушай меня!

Нет, трогать я его не буду. Надо же, мне хочется его обнять, крепко-крепко и сделать так, чтобы он успокоился. Чтобы вернулся мой муж, который исчез, когда вчера проснулось чудовище и все еще продолжает отсутствовать.

— Томирис, не говори ни слова, ясно?

Он насупился, опустил голову, но промолчал.

— Меня вчера на моей собственной свадьбе оставил жених.

Я где-то слышала, что нельзя говорить прямо «Ты», когда выражаешь недовольство. Нужно говорить о виновнике, как о каком-то третьем лице, нейтральном персонаже, мол, так проще признать вину. Сейчас и проверим!

— Меня оставил муж! Да, я понимаю, срочные дела, работа, так вышло. Я слишком много выпила, правда. Я рыдала от обиды, правда. Но не больше, слышишь? Да, я рыдала на плече постороннего человека, потому что он попался мне под руку. Но я никогда, слышишь, никогда не собиралась с ним целоваться или... что-нибудь еще. Да я не меньше тебя удивилась, когда поняла, что... что он делает. Верь мне, Томирис.

Я рискнула, протянула руку и легко погладила ткань его сюртука над руками, которые он сложил на груди.

— У нас только два пути, Томирис. Только два. Или ты мне сейчас поверишь и мы будем счастливы. Или ты сейчас запрешь меня под замок, и мы никогда не сможем стать прежними. Верь мне, Хайде, слышишь? Я поверила тебе тогда, и это было непросто. Теперь твоя очередь!

Он так долго молчал, что прикасаться к его одежде было уже как-то неловко, и я убрала руки.

— Ты знаешь, как сильно я испугалась, когда увидела тебя там в таком состоянии? Как будто я сама схожу с ума. Слышишь, Ха... корас...

Он медленно расцепил руки, которые, наверняка, затекли и неловко опустил их вдоль тела.

— Я подал в отставку, — сообщил Томирис.

— Что? Когда?

— Вчера вечером случилось покушение на короля. Уйти, пока не составлен план мероприятий по розыску заказчиков, я не мог. Но когда мы решили все вопросы, я подал в отставку, чтобы больше никогда не оставлять свою карасу в одиночестве.

Он опустил глаза с потолка на меня.

— Большую часть моего имущества придется вернуть в королевскую казну, потому что я перестал исполнять возложенные на меня обязанности. Примерно месяц придется ждать, пока утвердят нового кандидата и это время я проведу в городе, потому что хочу убедиться — им станет кто-нибудь из моих ближайших помощников. Если король поставит своего человека, многие курируемые мною проекты полетят.

— То есть? Какие?

Я так рада, что он снова открывается, пусть дело касается не его чувств ко мне, а просто работы, все равно. Моя рука сама собой вернулась на его рукав и прижалась к ткани, трепеща от восторга.

— У меня под надзором есть несколько проектов, которые финансируют... сильные мира сего в обмен на то, что к ним лишней раз не придираются многочисленные проверки. Пять больниц, два приюта и школа для одаренных детей из низшего класса.

— Разве у них есть одаренные дети? — удивилась я.

— Ты удивишься, Инжу, одаренные дети у них встречаются не реже, чем у нас. Просто возможностей развивать способности у них от рождения меньше.

И опять это убийственное молчание. Интересно, его мышцы действительно дрожат, стоит провести по ним пальцами даже через ткань или мне кажется?

— Инжу!

— Томирис!

Ну вот, мы заговорили одновременно. Я, как настоящая женщина, благоразумно дам ему возможность говорить первому, радуясь уже тому, что извинение прозвучало в голосе у обоих.

— Скоро я буду не так уж и богат. Отсюда придется выехать, это служебное помещение. У меня есть дом на побережье, где жили мои родители. Там неподалеку целый городок тандров. Я хотел бы, чтобы мы поселились там. Съездим для начала, посмотрим? Когда я разберусь с делами, связанными с отставкой?

Я вздохнула и как с обрыва в воду, бросилась в его объятия. Как же мне не хватало этого ощущения уюта, созданного смесью его запаха и согретой телом грубой ткани, которая поднимается на груди, когда он дышит.

Он осторожно меня обнял, привычно принимаясь покачиваться из стороны в сторону.

— Ты говоришь, что испугалась вчера? Ты даже не представляешь, как испугался я!

— Бог с ним, со вчерашним днем! Меня больше интересует сегодняшней.

Ну вот, когда восторжествовала справедливость, брошенные на восстановление правды силы стремительно истощаются и оказывается, я все еще слаба. Томирис принял мой вес, поддерживая за талию и не давая упасть, и улыбнулся.

— Тебе нужно позавтракать, Инжу. Ты же любишь хорошо поесть после того, как пьешь, правда?

Он даже это знает...

— Я пила нечасто!

— Даже слишком редко, — уверенно заявил Томирис. — Пойдем.

Ну и ладно, главное, он не считает, что у меня склонность к спиртному. Крепко держа его за руку, я направилась в столовую, но вдруг вспомнила еще кое-что.

— Томирис, а ты сам любишь поесть после того, как выпьешь?

Надо же узнавать его привычки? Наверняка впереди у нас будет, в том числе и не одно совместное похмелье.

— Еще как, — улыбаясь, ответил он.

Столовая выглядела привычно пусто и уединенно.

Нас кормили остатками вчерашнего праздничного ужина.

Это хорошо, а то я не успела попробовать и половины блюд.

— Мы должны съездить к твоим родителям, — сообщил Томирис, рассматривая нацепленный на вилку замысловато слепленный кусок теста.

— Сегодня?

— Ну... — он закрыл глаза и попробовал эту странную штуку, а потом удивленно хлопнул глазами — видимо, на вкус она оказалась не такой оригинальной, как на вид. — Ладно, сегодня можно просто позвонить, но по парку пройти придется. В качестве демонстрации.

Демонстрации нашей вменяемости и нормальности.

Действительно, придется ехать демонстрировать, я и сама понимала, поэтому после обеда отправилась переодеваться в прогулочное платье.

Это была чуть ли не самая длинная и изматывающая поездка в моей жизни. До парка мы добрались на машине, с которой Томирис, скаля зубы, советовал попрощаться — она принадлежит не ему лично, а исполнителю его должности, потому скоро нас с почестями покинет.

— Прощай, пафос, — послушно сказала я, украдкой посматривая на его губы. Меня не волновала машина, вся эта роскошь с кожаными шторками на окнах и салоном такой величины, что при желании можно вытянуться в полный рост. Куда больше мне хотелось поцеловать своего мужа, но он не делал никаких попыток ко мне приблизиться.

В парке сегодня аншлаг, кафе Парящих Лепестков забито так, что на газон вынесли дополнительные столики и некоторые дамы вынуждены сидеть на стульчиках, как на насесте — постоянно балансируя, чтобы не свалиться в траву.

И я думала, что на свадьбе в качестве невесты привлекала слишком много внимания? Да я просто оптимисткой была!

— Улыбайся, — сквозь зубы прошипел Томирис, хватая меня за руку и мы пошли, а скорее даже поковыляли по центральной дорожке парка, натянуто улыбаясь всем встречным. Томирис придерживал мою руку, лежащую на его локте, время от времени оттаскивая меня от чересчур любопытных знакомых, которые намеревались вступить в затяжную беседу.

— Мы с женой наслаждаемся прогулкой, — заявлял он, и я делала кислую мину, хотя в глубине души была просто счастлива оказаться подальше от всех этих сплетников.

Так мы и двигались, казалось, целую вечность. Просто пытка какая-то!

Конечно, мы делали это не для себя. Если не исправить последствия вчерашнего скандала и не убедить общество, что все прекрасно и вообще, лучше некуда, то наши семьи на длительное время станут изгоями. На моих подруг будут косо смотреть и возможно, часть женихов из их списков самоликвидируется. Наши дети... когда у нас будут дети, они тоже окажутся под ударом дурной репутации.

— Не верю глазам своим, — глубокомысленно изрек Томирис, когда впереди замаячил выход из парка. Миновав последний заслон из прогуливающих хладнокровных, мы синхронно, с облегчением выдохнули, переглянулись и вдруг... расхохотались, как дети.

Шофер уже ждал. Я забралась в машину, предвкушая, что наконец, вернусь домой и сниму тесное платье. Вернусь туда, где Томирис. Пусть сейчас это будет один дом, а в следующий раз — какой-нибудь другой, разве это важно? Главное, я еду с ним и к нему.

Томирис сел рядом, а когда машина тронулась, меня толкнуло в его сторону. Секунду спустя он дернул рукой, неосознанно пытаюсь поправить лацкан пиджака. Значит, не одна я нервничаю? И немного боюсь?

И снова его губы... такие мягкие. Так и притягивают внимание. И снова он, когда брился, пропустил кусочек кожи, на прежнем месте, прямо у левого уха.

И он — мой.

Интересно, кстати... Да и чего тянуть?

Я придвинулась к нему ближе и положила ладони на его грудь. Разве я не могу так сделать? Думаю, имею полное право, ведь мы женаты! Мне теперь можно все! Как все-таки приятно ощущать его тепло сквозь ткань. А как будет без ткани?

Его тело как будто специально создано так, чтобы его хотелось гладить. Его затылок так удачно помещался в мои ладони, как будто их специально подстраивали друг под друга.

А ведь я буду любить его безумно. С ума буду сходить...

Я поцеловала его первой, потому что мне хотелось это сделать.

Томирис неловко перетащил меня к себе на колени, по пути случайно смахнув с моей головы шляпку. Впрочем, толку-то от нее, если прическа теперь все равно не подлежит восстановлению? Результата столько же, как если на стог сена нацепить воздушный бант.

— Инжу, ты первая начала. Теперь не отпущу! — шептал он чуть позже, лаская губами мое ушко и поглаживая пальцами волосы. Тоже мне, глава теневой квестуры, пусть и бывший... Такой глупый!

— Чем хочешь заняться вечером? — неожиданно спросил он, когда мы подъезжали к дому. Я так покраснела, что даже дышать стало трудно — корсет не шляпка, ее так просто не смахнешь в сторону.

— А ты чем хочешь заниматься? — неловко поинтересовалась я.

Его пальцы расплавленным потоком потекли по шее и спине, к талии, и казалось, кожа загорается вслед за движением его пальцев.

— Инжу, мне кажется, это так очевидно.

— А ты скажи.

Теперь кроме корсета дышать мешали его крепко прижатые к бокам ладони.

— Я хочу тебя целовать. Держать тебя в руках, вот так, постоянно. Снять с тебя всю одежду... Хочу быть с тобой. Убедиться, наконец, что ты моя женщина. Показать тебе, какой будет наша жизнь.

— Ну так покажи!

Наверное, это был самое смелое за всю мою жизнь выступление, здесь, в пропахшем кожей салоне, где не было свидетелей моей смелости.

Я подалась вперед и до того, как машина остановилась, успела прижаться к нему так сильно, что пожалуй, еще немного — и меня можно было бы арестовать за попытку изнасилования.

Ужинать мы не пошли, потому что в моей комнате все было идеально: и обстановка, и

цвета и температура воздуха. И мягкое одеяло, которое нам не пригодилось и душ, легко вмещающий сразу двоих людей.

И присутствие Томириса в моих неумелых объятьях. И мое — в его умелых руках. Все уже было идеально, еще до нашего появления, оставалось сделать идеал еще совершенней.

У нас получилось, пусть и не сразу.

С тех пор прошло уже три месяца. Почти все это время Томирис разбирался с делами, передавал их приемнику и убеждался, что все его проекты останутся на должном уровне финансирования. Однако ночевать возвращался, надо признать, ежедневно.

Попробовал бы только не явиться!

Мы вернули в казну городской дом, машину и штат прислуги, потому что не хотели таскать за собой кого-то, за кого нужно отвечать. Мы хотели побыть совсем одни, чего не удавалось до того самого момента, когда началось путешествие. С тех пор ровно три дня мы провели как бездомные бродяги, перемещающиеся с места на место в доме на колесах, который является их единственным жилищем. Когда утром мы оставили наш автодом, чтобы пересечь в приготовленный на станции грузовик с вещами, мне даже стало немного грустно и захотелось, чтобы домик достался кому-нибудь не менее счастливому, чем мы с Томирисом.

Грузовик пыхтел, но продержался целый день, а к вечеру мы сползли с горки и уткнулись в хлипкие ворота, сквозь которые виднелся заросший травой и низким кустарником двор.

Томирис вылез наружу, чтобы открыть створки и они скрипели, жалуясь на судьбу и на одиночество.

Быстро заскочив обратно в теплую кабину и захлопнув дверцу, Томирис загнал натужно гудящий грузовичок во двор, а потом нехотя вылез второй раз, на сей раз запереть ворота — и одновременно запустил еще одну порцию холодного воздуха.

— Ну вот, — дверца снова сердито хлопнула. — Вот мы и дома.

Дом был, конечно, не ахти. Без сомнений, в нем уже давно не жили.

— Интересно, как он еще не развалился, — удивилась я.

— Сам удивляюсь.

— Ты же не ждешь, что я собственноручно брошусь наводить тут порядок? — с опаской поинтересовалась я.

— Вот еще. У тебя не будет столько свободного времени, — предупреждающим тоном заявил он. Сердце тут же забило в ритме отбивающих чечетку каблуков.

Томирис оставил весь свой прежний гардероб в доме и теперь на нем красовался серый свитер с косами и обычные джинсы. А на мне, между прочим, — широкая уличная юбка, которую девушки низших классов надевают, выходя вечером на улицы, а потом кружатся вокруг костра и юбка разлетается и походит на яркий цветок. Я пару раз пробовала танцевать, когда мы останавливались по дороге на ночевку и искренне надеюсь, никто из моих родственников об этом никогда не узнает.

Кстати, насчет юбки, у нее есть еще одно немаловажное достоинство...

— Там, в доме, наверняка холодно, — задумчиво заявила я.

— Ну да. Его надо прогреть, — Томирис с сомнением смотрел на дом, который за столько лет промерз так, что его согреть может только пожар.

— И вообще мы целый день в дороге, ни минуты отдыха, — добавила я, пытаюсь встать.

У меня, естественно, не вышло, это же не элитное авто. Наш грузовичок имел огромный крытый кузов, а вот кабина подкачала — прямо за сидениями лежали мешки с матрасами, постельными принадлежностями и одеждой на первое время.

Мой розовый пушистый шар тоже был там, среди вещей. К нему, кстати, Томирис испытывал странное и совершенно иррациональное, на мой взгляд, чувство ревности. «Он спит с тобой почти двадцать лет, — объяснял он мне сквозь зубы. — А я всего три месяца». «Мы что, действительно обсуждаем сейчас детскую игрушку?» — уточняла я. «Да. Только поэтому он все еще цел», — завершал Томирис и смотрел на шар крайне кровожадно. До сих пор не знаю, плакать или смеяться...

— Это ты к чему? — тут же заинтересовался Томирис, одобрительно посматривая на мою юбку, которую, к слову сказать, сам мне и купил.

— К тому, что ты целый день не исполнял свои супружеские обязанности!

— Хм. Ну да, виноват. Ты тоже, кстати, свои не исполняла!

— Ну раз уж мы признали свою вину, нам остается только один выход — незамедлительно приступить к исправлению положения.

— Где приступить, тут?

— Ну не на улице же, там холодно. И в доме холодно! — многозначительно добавила я.

— Нет, ну если ты будешь и дальше задирать юбк... Ого!

— Может тебе есть еще чего сказать своей любимой жене, кроме жалкого Ого?

— Как ты хочешь... Не-ет, ну куда ты...

— Лучше помоги мне, видишь же, ботинки мешают.

— Ну куда ты уселась, сначала нужно...

— Дай руки.

— О-о-о, а где то, что женщины носят под юбками?

— Сняла, когда останавливались в последний раз.

— То есть десять минут назад, когда тебе на пустом месте кровь из носу как приспичило в туалет?

— А то! Совместила приятное с полезным. Теперь посмотрим, что с твоими...

— Инжу!..

— Сам расстегивай тогда.

— Ладно, обувь пока сними, твой каблук упирается мне в колено и отвлекает!

— Не толкайся!

— Не вертись!

— Т-с-с-ш! Не шевелись, сейчас сниму.

— Хм, смотри как мы все сумели. Теперь приподнимись.

— Стой! Ай. Нет, не могу, руль в спину давит. Вбок могу двигаться, вверх — нет.

— Если ты не приподнимешься, у нас ничего не получится.

— Не получается! Хм. И что делать? Отменим свидание?

— Инжу... Ну нельзя же так дразниться!

— Подожди... Видишь? Подожди... тут сбоку должно быть, тут... вот.

— Что ты делаешь?

— Сейчас я поверну рычаг, а ты дави на...

Томирис захохотал, когда кресло неожиданно откинулось назад, а он откинулся на него и оказался лежащим на спине. Мягкие мешки примялись, освобождая нам достаточно места.

И у нас все получилось!

Надеюсь, у соседей нет привычки бродить по нашей территории, иначе им придется любоваться всем происходящим в кабине, потому что стекла прозрачные. Надеюсь, им хватит ума нас не прерывать, потому что в такие случаи мне хочется кого-то убить. А Томирис вообще, между прочим, тандр, склонный к бешенству!

— Инжу, — выдыхает Томирис в последние мгновения вспышки, которая спаивает нас в единое целое. — Инжу...

Я опускаюсь ему на грудь, чтобы перевести дыхание. Он все еще во мне, и не только в теле. Кажется, теперь мы не просто дышим одним воздухом, кажется, мы звучим одновременно.

Гармонично.

Это очень легко объяснить.

Просто он находится в самом центре моего мира, а я — вокруг.

Я трусь щекой об его рубашку и поворачиваю голову, устраиваясь удобней.

- Томирис... А что бы ты делал, не будь предсказания? Если бы ты просто меня однажды увидел и полюбил?

Он перекинул руку через мою спину — лучшая тяжесть, которую я готова нести на себе всегда. И фыркнул.

— Проще простого, — пожав плечами, легко произнес Томирис. — Я бы его... придумал.

Потом мы долго молчим. За окном разыгрался осенний ветер, поднимая и разбрасывая листья, кружа их и раздувая фейерверком. Если бы кто-то обратил внимание, то увидел бы, как листья на миг сложились в изображение хитрого старушечьего лица с широкой улыбкой, а потом, после всего, разлетелись уже окончательно.

Таука исчезла.

А мы остались.

Больше книг на сайте - Knigolub.net